

I.

ИЗСЛѢДОВАНИЕ И ВЪЯТІЕ СЪ ВОЯ ТРАЯНСЬАГО ПЕРЕВАЛА

НА БАЛКАНАХЪ.

(Съ картою и планомъ).

До кампаніи 1829 года, переходъ черезъ Балканскія горы считался до того труднымъ и даже невозможнымъ, что всякая попытка перейти къ казалась несбыточною. Ранѣе этого года, во все войны Россіи съ Турціею, самая дальнія наши вторженія въ предѣлы послѣдней ограничивались или Дунаемъ, или обложеніемъ крѣпостей, или оперированіемъ на Софію. Въ 1829 году войска графа Дибича были пододвинуты къ Балканамъ береговою дорогою и перешли ихъ двумя колоннами: правая — генерала Ридигера шла черезъ Камчикъ на Кюпрекію, лѣвая — генерала Рота, черезъ Дульгеры къ Бургасу; на Софію, отъ Рахова и Врацы, шель отрядъ Гейсмара. Во всѣхъ этихъ пунктахъ Балканы не представляютъ и сотой доли тѣхъ преградъ, которыя встрѣчаются на пространствѣ главнаго хребта, лежащаго къ сѣверу отъ долины Тунджи и Гюиса. Вся цѣпь отъ Сливны до Софіи считалась непроходимымъ оплотомъ Турціи противъ Россіи и это убѣжденіе было до того общимъ, что первая не заботилась особенно укрѣплять это пространство, а вторая — даже не пробовала перейти его.

Опытъ кампаніи 1877—1878 годовъ показалъ, что не все кажущееся дѣйствительно, и что центральный хребетъ сѣверныхъ Балкановъ, хотя и съ громадными трудностями, но проходитъ въ слѣдующихъ 12-ти мѣстахъ:

1) Отъ Елены на Твардицу (Наибольшая высота этого перевала 3,000 футовъ).

2) Отъ Габрова на Ханкюй, ущельемъ рѣки Калоферъ-дере (4,000 футовъ).

3) Отъ Габрова черезъ Шипку къ Казанлыку (4,900 футовъ).

4) Отъ Сельви или Габрово черезъ Зелено-дере къ Эмитли (4,500 футовъ).

5) Отъ Новосела и Острена, черезъ Розелитъ (Мара-Гайдукъ) къ Калоферу (6,900 футовъ).

6) Отъ монастыря Успенія къ Карлову (6,400 футовъ).

7) Отъ Траяна, черезъ Княжевицкія-кулибы на Орлиное гнѣздо, со спусками къ Карнаре и Теке (6,600 футовъ).

8) Отъ деревни Шипково черезъ Комарцы къ Рахманлы (5,600 футовъ).

9) Отъ Тетевени къ Златиць (4,200 футовъ).

10) Отъ Яблоницы къ Этрополю и Златиць (4,200 футовъ).

11) Отъ Этрополя на Стрыглъ (Арабъ-конакъ) къ Ташкисену (4,130 футовъ).

12) Отъ Орханіе къ Ташкисену, съ обходными проходами отъ Врачеша, черезъ Чирьякъ на Яшеницу (3,400 футовъ) и изъ Лютикова на Жилияву (3,300 футовъ).

Въ нынѣшнюю войну перевалы эти были пройдены:

а) Елено-Твардицкій и Ханкюйскій — въ юль мѣсяцъ передовымъ отрядомъ генераль-лейтенанта Гурко и 25-го—26-го декабря колонною генераль-адъютанта князя Святополкъ-Мирскаго.

б) Шипкинскій — 28-го декабря отрядомъ генераль-лейтенанта Радецкаго.

в) Зелено-древенскій — 26-го—27-го декабря колонною генераль-лейтенанта Скобелева 2-го.

г) Розелитскій — въ началѣ ноября заняты ротою и сотнею изъ Ловче-Сельвинскаго отряда.

д) Карловскій — пройденъ съ сѣверной стороны до вершины, въ ноябрѣ мѣсяцѣ 1877 года, рекогносцировочною партіею генеральнаго штаба подполковника Сухомлинова, но южный спускъ не изслѣдованъ.

е) Траянскій — пройденъ 23-го, 24-го, 25-го и 26-го декабря отрядомъ генераль-лейтенанта Карцова.

ж) Рахманлійскій — изслѣдованъ 23-го декабря, съ сѣвера до д. Комарцы, двумя сотнями 30-го Казачьяго полка, подъ начальствомъ подполковника Сухомлинова.

з) Тетевено-Златицкій — пройденъ 16-го ноября шестиротнымъ отрядомъ полковника графа Комаровскаго.

и) Арабконакскій, Ташкисенскій, Этропольскій, Вра-

чешскій и Лютиковскій — пройдены въ декабрь мѣсяцѣ войсками гвардіи и 9-го корпуса.

Вышеприведенный перечень проходовъ указываетъ, что высочайшіе изъ переваловъ суть: Розелитскій, Карловскій, Траянский и Рахманлійскій.

Такъ какъ изслѣдованіе этихъ переваловъ, а затѣмъ и взятіе ихъ было исполнено войсками, сначала Ловче-Сельвинскаго, а потомъ Траянскаго отрядовъ, къ составу которыхъ принадлежалъ пишущій эту статью, то предметомъ ея будетъ подробнѣе описаніе только этихъ проходовъ и взятіе Траянскаго перевала.

Въ началѣ сентября былъ сформированъ Ловче-Сельвинскій отрядъ. Онъ состоялъ въ началѣ изъ трехъ полковъ и четырехъ батарей 3-й пѣхотной дивизіи и Казачьяго № 9-го полка. По прибытіи начальника отряда генералъ-лейтенанта Карцова, 7-го сентября, въ Ловчу, собранныя черезъ лазутчиковъ свѣдѣнія указывали, что перевалы, ведущіе изъ долины Пюса къ Сельви, Ловчѣ и къ рѣкѣ Виду, заняты небольшими расположенными на вершинахъ турецкими отрядами, изъ нѣсколькихъ сотъ баши-бузукровъ и черкесовъ, или изъ одной, много двухъ ротъ низама. Сѣверные же, обращенные къ намъ склоны, оставались свободными. Только проходъ отъ Златицы къ Тетевени находился во власти турокъ. Впоследствии оказалось, что въ Тетевени у нихъ былъ устроенъ этапный пунктъ, съ значительнымъ гарнизономъ изъ регулярныхъ войскъ. По временамъ турки пробовали спускаться преимущественно по Траянскому перевалу, но, дойдя до половины сѣвернаго склона, всякій разъ были прогоняемы казаками и болгарскими четниками. Впрочемъ, въ половинѣ ноября, небольшой ихъ партіи удалось пройти изъ Рахманлы и сечь деревню Шипково; а 4-го ноября сдѣлана была изъ Златицы попытка взять обратно Тетевень (1).

Съ нашей стороны до сентября мѣсяца не было никакого охраненія названныхъ проходовъ; дѣло ограничивалось однимъ наблюденіемъ за ними. Последнее состояло въ томъ, что къ сторовѣ Розелита, въ деревнѣ Новосело, стояла сотня 30-го Казачьяго полка, двѣ сотни того же полка занимали монастырь Успенія и Траянъ (2). Пути же отъ Рахманлы къ Шипкову и отъ Златицы къ Тетевени не наблюдались.

(1) Сожженіе до тла г. Траяна и нападеніе на Успенскій монастырь были сдѣланы въ августѣ, т. е. до образованія Ловче-Сельвинскаго отряда, когда Ловча была еще въ рукахъ турокъ.

(2) Съ 1-го октября 30-й казачій полкъ вошелъ въ составъ Ловче-Сельвинскаго отряда, а 9-й былъ замѣненъ 24-мъ.

По этимъ-то путямъ совершалось прямое и постоянное сообщеніе турокъ изъ-за Балканъ съ Плевною. Артиллерійскія тяжести и запасы продовольствія, конечно, не могли идти этими перевалами, но всѣ команды новобранцевъ и выдоровѣвшихъ, равно какъ и вьючные транспорты проходили безнаказанно. Лишить непріяеля этого пути было главною нашею заботою. Съ этою цѣлью, во второй половинѣ сентября и въ первой половинѣ октября мѣсяцевъ, былъ предпринятъ рядъ поисковъ и набѣговъ, постепенно освѣщавшихъ мѣстность къ западу отъ Ловчи до рѣки Вида. Сначала войсковою старшина 24-го Казачьяго полка Тарасовъ занялъ съ боя турецкій Изворъ и Торосъ, а потомъ, 19-го октября, флигель-адъютантъ полковникъ Орловъ, командовавшій казачьею бригадою Ловче-Сельвинскаго отряда, взялъ Тетевень. Съ этихъ поръ всякое сообщеніе турокъ съ Плевною, по правому берегу р. Вида, прекратилось, и положеніе Ловчи сдѣлалось вполне обезпеченнымъ. Это дало возможность не только усилить наблюденіе за сѣверными спусками съ Балкановъ, но и приступить къ тщательному изслѣдованію проходовъ, отъ Новосела и Остреца черезъ Мара-Гайдукъ къ Калоферу, отъ Траяна и Монастыря къ Карлову, Карнари и Теке, и отъ Тетевени къ Златицѣ. Прежде всего, наблюдавшія за перевалами сотни были подкрѣплены пѣхотою: 4-я рота 9-го пѣхотнаго Староингерманландскаго полка (поручика Александровскаго) передвинута изъ Сельви въ Острець, а 1-я стрѣлковая и 3-я линейная въ Монастырь и Траянъ. Занять эти пункты большимъ числомъ ротъ было нельзя, потому что всю 2-ю бригаду 3-й пѣхотной дивизіи приказано было отправить къ генералу Гурко за Видь, а баталіоны 1-й бригады въ Тетевень, на смѣну находившагося тамъ баталіона 2-й бригады. Независимо отъ этого, болѣе значительное усиленіе наблюдательныхъ постовъ могло только обнаружить наши намеренія, не принося никакой особенной пользы. Ожидать, чтобы турки сами предприняли что либо серьезное съ сѣверныхъ склоновъ, не было основанія. Если они не рѣшались на это въ августъ и сентябрь, то съ приходомъ къ намъ подкрѣпленій, вѣсело было и думать о подобной съ ихъ стороны предприимчивости. Узнать навѣрное, что находится у непріяеля на перевалахъ и особенно за ними, въ долинахъ, было весьма трудно. Всѣ свѣдѣнія, доставляемыя лазутчиками и преданными намъ болгарами, сводились къ тому, что въ долину Гюуса и на перевалахъ находятся только незначительныя партіи баши-бузуковъ, и лишь по временамъ появляются регулярныя баталіоны, передвигающіеся къ западу. Агенты, посланные къ югу, въ Карлово и Карнари и къ западу — въ Златицу и Орханію доносили, что съ конца сентября турки стягиваютъ все, что возможно, къ Софіи, и что балканскіе перевалы охра-

яются незначительными командами. Болгарамъ видимо хотѣлось, чтобы мы возможно скорѣе предприняли переходъ черезъ горы, но серьезнаго содѣйствія, какъ оказалось впоследствии, они намъ въ этомъ не оказали.

Первая попытка осмотрѣть подъемы изъ Остреча на Мара-Гайдукъ и изъ Траяна къ Карнари была предпринята 30-го и 31-го октября и поручена начальнику 3-й дивизіи, временно-командовавшему 1-ю бригадою 3-й пѣхотной дивизіи, генераль-маіору *Дандевиллю*. Въ этой рекогносцировкѣ принималъ личное участіе его высочество принцъ Баварскій, бывший передъ тѣмъ въ Ловчѣ и подробно осматривавшій въ ней всѣ наши укрѣпленія и позиціи.

Взявъ съ собою двѣ роты 9-го пѣхотнаго Староингерманландскаго полка, генераль Дандевиль выступилъ изъ Остреча, гдѣ, присоединивъ къ себѣ казаковъ, прошелъ до половины сѣвернаго подъема. Здѣсь онъ былъ встрѣченъ выстрѣлами турецкихъ передовыхъ постовъ. Такъ какъ форсированіе переваловъ не имѣлось въ виду, а напротивъ, было приказано не обнаруживать настойчиваго изслѣдованія подъемовъ, то, ограничившись осмотромъ первой половины пути, генераль Дандевиль возвратился въ Острецъ, откуда направился къ Траяну и 31-го октября прошелъ половину траянскаго подъема, отъ Княжевицкихъ кулибъ до овчарни. Обѣ эти рекогносцировки главоуѣрно сняты прикомандированнымъ къ отряду корпуса топографовъ поручикомъ Карлвичемъ.

Вскорѣ послѣ этой первой попытки сдѣлана была вторая, съ большими результатами.

2-го ноября, находившійся въ Острецѣ за старшаго, войсковоу старшина *Афанасьевъ*, получилъ отъ болгаръ свѣдѣніе, будто на Розелтскій переваль пришло 2,000 турокъ, которые на Мара-Гайдукѣ строятъ укрѣпленіе и намѣреы предпринять нападеніе на селенія сѣвернаго склона. Желая удостовѣриться въ справедливости этихъ показаній, Афанасьевъ рѣшился подняться на Мара-Гайдукъ. Для этого онъ присоединилъ къ своей сотнѣ роту поручика Александровскаго и съ этимъ отрядомъ предпринялъ движеніе въ горы. Онъ выступилъ въ 4 часа утра, 3-го ноября, и къ 10 часамъ едва дошелъ до половины подъема; не смотря однако на сильную усталость людей, онъ послѣ продолжительнаго привала двинулся далѣе. Чѣмъ выше отрядъ поднимался, тѣмъ подъемъ становился круче и труднѣе. Не доходя версты двухъ до вершины, при выходѣ изъ послѣдней опушки лѣса, гдѣ начинается самый крутой подъемъ, по голой, въ то время уже на аршинъ покрытой снѣгомъ скалѣ, Афанасьевъ былъ встрѣченъ выстрѣлами изъ укрѣпленія. По дальности ли разстоянія, или по беспорядочности стрѣль-

бы, эта послѣдняя не причиняла никакого вреда. Ободренные этимъ, поручикъ Александровскій и войсковой старшина Афанасьевъ пошли дальше, причеъ рота была направлена въ обходъ праваго, а спѣшившаяся сотня—лѣваго фланга укрѣпленія. При самомъ началѣ этого маневра, турки прекратили стрѣльбу и бѣжали. Въмѣсто двухъ тысячъ, ихъ оказалось всего 300. Поднявшись на вершину, наши нашли тамъ укрѣпленіе, имѣвшее видъ флеша съ флангами и позади его шалаши, изъ которыхъ турки не успѣли захватить галеты и другіе припасы. Шалаши были немедленно сожжены и Афанасьевъ, поздно ночью, возвратился въ Острецъ. Такимъ образомъ невозможность подняться на высочайшую вершину сѣверныхъ Балкановъ была фактически опровергнута.

Получивъ донесеніе объ отважномъ восхожденіи Афанасьева и Александровскаго и опасаясь, чтобы турки вновь не утвердились на перевалѣ Розелита, начальникъ отряда отправилъ въ Острецъ, командированнаго въ его распоряженіе, генеральнаго штаба подполковника *Сухомлинова*. Ему было приказано срыть турецкое укрѣпленіе и вмѣсто него построить новое, обращенное противъ южнаго склона.

При исполненіи этого порученія выяснилось слѣдующее: 1) восхожденіе съ ротою и сотнею, возможное недѣлю назадъ, съ наступленіемъ непогоды и мороза представляло неимоверныя трудности. Мѣстами приходилось карабкаться почти ползкомъ, по тропинкамъ косогорьевъ, черезъ которые лилась вода и, замерзая, образовала наклонныя къ пропасти плоскости. Чтобы пройти подобныя мѣста, казаки шашками надрубали ледъ и только тогда ноги могли имѣть упоръ; 2) о переходѣ Мара-Гайдука, не только съ кое-какимъ колеснымъ обозомъ, но и съ вьюками нечего и думать. Все это подтвердило слова мѣстныхъ жителей, что перевалъ этотъ зимою положительно непроходимъ, и что самые отважные горцы, съ октября и до апрѣля не рѣшаются перебраться черезъ Балканы въ этомъ направленіи; 3) постоянно держать на перевалѣ какую либо часть войскъ нѣтъ никакой возможности, потому что еще въ началѣ ноября тамъ была невыносимая стужа и безпрерывныя мятели. Этою невозможностію оставаться на перевалѣ объясняется та поспѣшность, съ которою турки оставили свои укрѣпленія. Видимо, что они только ждали предлога, чтобы избавиться отъ невыносимой стоянки и спуститься на южную сторону.

Въ виду невозможности оставаться на перевалѣ, рѣшено было занять построенное на немъ укрѣпленіе возможно чаще смѣняемымъ карауломъ изъ болгарскихъ охотниковъ, съ поддержкою ихъ казачьимъ постомъ.

При восхожденіи на Мара-Гайдукъ, подполковникъ Сухомлиновъ сваялъ подробно подъемъ до самой вершины. Этотъ артистически исполненный чертежъ перевала, черезъ который никогда еще не переступало никакое войско, былъ тогда же, вмѣстѣ съ маршрутною картою поручика Карловича, представленъ въ штабъ арміи. Туда же было послано подробное донесеніе о недоступности въ зимнее время Розелитскаго прохода. Не смотря на это, еще за двѣ недѣли до паденія Плевны, многіе говорили о предполагаемомъ движеніи за Балканы черезъ Мара-Гайдукъ. Въ пользу этого направленія высказывалась такая мысль: Переходя западнѣе — придется идти къ Шипкѣ, черезъ Калоферское ущелье и штурмовать сильно укрѣпленную позицію, между тѣмъ какъ, переваливая черезъ Розелитъ, это избѣгается.

Противъ этого мнѣнія можно возразить слѣдующее:

1) Если и предположить, что Калоферское ущелье сильно укрѣплено и занято турками, то все-таки лучше было имѣть непріятеля съ фронта, нежели въ тылу; 2) спускался у Калофера, отрядъ, состоящій всего изъ 5½ баталіоновъ, становился такъ близко отъ Шипки, занятой 40 таборами, что уничтоженіе его дѣлалось не только вѣроятнымъ, но неизбѣжнымъ; 3) поставленный между двухъ огней, съ фронта отъ Шипки и съ тыла отъ Калофера, отрядъ не имѣлъ бы пути отступленія, и, наконецъ 4) мнѣніе, будто Калоферское ущелье впрямѣннѣе нужно брать съ фронта, и что нельзя обойти его, совершенно не вѣрно. Всякому отряду, занимающему Карлово, вполне возможно пройти въ долину Тунджи, минуя Калоферъ: слѣдуетъ взять вправо на Чаталкѳой, и затѣмъ, по незначительнымъ склонамъ Малыхъ Балкановъ, выйти у Дѳоймушляра. Этимъ путемъ, единственно для сокращенія дороги, проходили потомъ разъѣзды, возвращаясь съ Казанлыкскаго шоссе въ Чукурлу. Впрочемъ, не было надобности и въ этихъ доказательствахъ противъ движенія на Розелитскій перевалъ; достаточно одной причины, — а именно, что въ зимнее время онъ положительно не проходимъ.

До паденія Плевны, предполагаемое движеніе за Балканы, сколько извѣстно, имѣло цѣлью только освобожденіе войскъ генерала Радецкаго отъ невыносимой стоянки на Шипкинскомъ перевалѣ. Тогда думали, что генералъ Гурко, пройдя Балканы, пойдетъ долиной Гюпса и Тунджи. Въ виду этого предполагалась такая комбинація: когда генералъ Гурко двинется къ Заатицѣ, въ голову его колоннъ выйдутъ роты 10-го Новоивгерманландскаго полка, находящіяся въ Тетевени. Затѣмъ, когда онъ пройдутъ Клисурское ущелье, къ нимъ, перейдя Траянскій перевалъ, выйдутъ баталіоны, расположенные въ Ловчѣ. Наконецъ, роты и сотни,

занимающія Сельви, перейдутъ Балканы черезъ Розелитъ и, такимъ образомъ, вся 3-я пѣхотная дивизія соединится у Калофера и образуетъ авангардъ гвардіи, наступающей съ запада. Такія, заранѣе рассчитанныя движенія черезъ препятствія, подобныя балканскимъ переваламъ, едва ли могли бы удасться даже и въ томъ случаѣ, если бы перевалы не были заняты неприятелемъ. Достаточно было бы одного или двухъ дней мятели, чтобы всѣ расчеты измѣнились. Наконецъ, не слишкомъ ли было бы рискованно предпринимать переходы въ трехъ мѣстахъ, столь незначительными частями (*). Предположивъ даже, что всѣ части 3-й пѣхотной дивизіи, стоявшія въ Тетевени, Ловчѣ и Сельви, соединились бы у одного изъ сѣверныхъ подъемовъ, то и тогда отдѣльный переходъ незначительнаго отряда не могъ бы имѣть успѣха, потому что въ то время еще не разъяснилось ни положеніе на Шипкѣ, ни движеніе генерала Гурко (**). Лично доложивъ это мнѣніе въ главной квартирѣ, начальникъ отряда получилъ приказаніе, не предпринимая ничего рѣшительнаго, продолжать изслѣдованіе переваловъ.

Для новой, уже третьей, рекогносцировки Траянского перевала сформирована была партія изъ 30-ти охотниковъ 3-й роты 9-го Староингерманландскаго полка, при капитанѣ *Шелеповѣ*, и 20-ти казаковъ, при войсковомъ старшинѣ *Антоновѣ*, подъ начальствомъ подполковника генеральнаго штаба *Сухомлинова*.

Изъ подробнаго донесенія послѣдняго видно, что переходъ черезъ Балканы отъ Траяна, со спусками къ Карнари и Теке, можно совершить по двумъ отдѣльнымъ отрогамъ главнаго хребта. Одинъ начинается въ 5-ти верстахъ отъ Траяна, у Княжевицкихъ-кулибъ; другой—непосредственно отъ монастыря Успенія Богородицы. Оба подъема сходятся на вершинѣ перевала, у конусообразной скалы, называемой «Орлиное Гнѣздо». По первому пути подполковникъ Сухомлиновъ направился лично, съ охотниками и обоими офицерами партіи; по второму отъ Монастыря пошли казаки. Обѣ эти команды должны были соединиться на перевалѣ и спуститься къ Монастырю. Изслѣдованіе южнаго спуска не имѣлось въ виду, дабы не обнаруживать нашего намѣренія перейти въ этомъ пунктѣ, и кромѣ того, было свѣдѣніе отъ лазутчиковъ, что въ это время въ Карловѣ и Корнари находилось нѣсколько таборовъ турецкихъ войскъ.

Путь отъ Траяна до Княжевицкихъ-кулибъ идетъ доли-

(*). Если бы пришлось приводить въ исполненіе это предположеніе, то изъ Тетевени въ Златицу спустилось бы всего шесть ротъ; изъ Траяна къ Карнари 2½ баталіона и изъ Сельви черезъ Острець къ Калоферу два баталіона.

(**) Во второй половинѣ ноября во всемъ Ловче-Сельвинскомъ отрядѣ было налицо всего 4½ баталіона и 10 сотенъ.

вою рѣку Бѣлой Осымы, мѣстами по карнизамъ крутыхъ и скалистыхъ береговъ. Онъ чрезвычайно живописенъ и представляетъ на каждомъ шагѣ, даже зимою, предестные ландшафты. На пространствѣ 5-ти верстъ приходится два раза переходить рѣчку въ бродъ, что, по словамъ болгаровъ, при разливахъ, не всегда возможно. До Кулибъ могутъ проходить пароконныя повозки лишь съ незначительными, вполнѣ преодолимыми, затрудненіями. У Княжевицкихъ кулибъ, непосредственно по переходѣ р. Осымы, начинается и тянется съ версту весьма брutoй подъемъ, по каменистому грунту. Съ перваго взгляда онъ кажется непреодолимымъ; но онъ ничто въ сравненіи съ послѣднимъ передъ переваломъ подъемомъ. Затѣмъ, постепенно поднимаясь, тропа идетъ то гсомъ, то голымъ хребтомъ, съ отвѣсными къ ущельямъ боками, то еще болѣе узкимъ карнизомъ, висящимъ надъ пропастью. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ первой половины подъема остались еще слѣды мостовой, построенной римлянами, временъ императора Траяна, имя котораго дано городу, расположенному у сѣвернаго склона, и самому перевалу. Мостовая эта мѣстами въ сажень ширины, часто совсѣмъ исчезаетъ и тутъ превращается въ тропу, не шире одного шага. При туманѣ, или въ гололедицу, слѣдованіе такими мѣстами крайне опасно и требуетъ большихъ снаровокъ. Версты за 4 до вершины, передъ нечашною ложиною, покрытою густымъ дубовымъ лѣсомъ, находится каменное полуразрушенное зданіе, въ видѣ небольшого сарая. Это очевидно, служащая во время мятежей убѣжищемъ постухамъ и странникамъ. Отсюда замѣченъ былъ стоявшій на самомъ перевалѣ туркскій караулъ, все время слѣдившій за движеніемъ нашей партіи. Появленіе непріятеля не остановило Сухомлинова и его товарищей: они шли выше и выше, покуда не увидѣли укрѣпленія, построеннаго на выдающейся скалѣ. Это-то мѣсто и есть «Орлиное гнѣздо». Изъ укрѣпленія послѣдно вышли на перевалъ двѣ роты. Разстояніе отъ укрѣпленія до того мѣста, гдѣ долженъ былъ остановиться Сухомлиновъ, не превышало 600 шаговъ, а потому непонятно, почему турки не открыли по нашимъ огонь; если бы они это сдѣлали, то едва ли бы кому удалось вернуться, потому что пришлось бы спускаться подъ выстрѣлами, по одиночкѣ. Между тѣмъ, не прошло и пяти минутъ, какъ турки послѣдно ушли за укрѣпленія. Это повидимому странное обстоятельство объяснилось тѣмъ, что въ то же время, по подъему отъ Монастыря, показались казаки, которыхъ они, вѣроятно, приняли за развѣздъ отъ значительной колонны. Такъ какъ оба подъема сходились подъ укрѣпленіемъ, а малочисленность партіи не позво-

ляла предпринять атаку, то подполковникъ Сухомлиновъ возвратился прежнимъ путемъ. причеиъ успѣлъ сдѣлать подробное кроки подъема.

Подъемъ, по которому шли казаки отъ Монастыря къ «Орлиному гнѣзду», оказался еще труднѣе. По немъ могутъ пройти только самыя легкіе вьюки на горныхъ лошадяхъ; наши же казачьи лошади едва взбирались даже безъ сѣдоковъ.

На другой день, 17-го ноября, предпринята была развѣдка перевала отъ Монастыря къ Карлову. Путь этотъ соединяетъ въ себѣ характеръ Розелитскаго прохода съ Траиискимъ. Первая половина подъема идетъ ущельемъ рѣки Черной Осмы и, затѣмъ, по рѣкѣ Крайвѣ. Нѣсколько разъ пересѣкая эти рѣчки, эта часть пути во время дождей и таянія снѣговъ положительно непроходима. Вторая половина подъема вѣтся весьма узкою тропою, по гребню хребта, вершина котораго состоитъ изъ сходящихся подъ острымъ угломъ плоскостей. Здѣсь подъемы еще круче троянскихъ.

Чтобы докончить разслѣдованіе переваловъ на всемъ пространствѣ, занимаемомъ Ловче-Сельвинскимъ отрядомъ, было предписано находящемуся съ шестью ротами 10-го Новоингерманландскаго полка въ Тетевени, командиру этого полка, полковнику *графу Комаровскому*, исподволь обрекогносцировать перевалъ отъ Тетевени на Златицу, сначала посылая въ горы болгарскихъ охотниковъ съ казаками, а потомъ попробовать пройти и съ небольшою пѣхотною частью. Первая попытка, сдѣланная 16-го ноября, указала, что Златицкій перевалъ занятъ турецкими караулами. Для раскрытія ихъ силы достаточно было бы послать одну или двѣ роты; но, къ сожалѣнію, одновременно съ предписаніемъ изъ Ловчи, графъ Комаровскій получилъ записку отъ начальника штаба западнаго отряда, генерала Нагловскаго, съ просьбою, появленіемъ на перевалѣ, облегчить движеніе генерала Курнакова изъ Этрополя на Златицу. И для этого достаточно было бы двухъ ротъ, такъ какъ требовалось одно лишь появленіе на перевалѣ. Въмѣсто того, графъ Комаровскій взялъ въ горы шесть ротъ. Поднявшись безъ особенныхъ затрудненій, роты были встрѣчены на перевалѣ выстрѣлами изъ турецкихъ ложементовъ. Послѣ ничтожной перестрѣлки, турки ушли къ Златицѣ. Не ограничась однимъ появленіемъ и не имѣя никакого свѣдѣнія о генералѣ Курнаковѣ, графъ Комаровскій три дня простоялъ на перевалѣ, среди голыхъ скалъ, гдѣ не было ни воды, ни лѣса для костровъ. Отрядъ совершенно безъ надобности перенесъ большія лишения: трое сутокъ люди не имѣли горячей пищи и одинъ день сухарей. Это видно было изъ рапорта графа Комаровскаго, доносившаго, «что люди сильно заболѣваютъ, обувь уничтожается и въ

отрядъ нѣтъ ни одного вполне здороваго человѣка». По полученіи этого доносенія графу Комаровскому было приказано немедленно возвратиться въ Тетевень.

Это движеніе въ горы выяснило, что переваль изъ Тетевеня на Златицу несравненно удобопроходимѣ Траянскаго и Розелитскаго.

Въ то время, когда подполковникъ Сухомлиновъ находился еще въ горахъ, въ Ловчу прибылъ изъ главвой квартиры назначенный въ распоряженіе начальника отряда инженеръ-капитанъ *Александровскій*. Цель его командировки состояла въ томъ, чтобы немедленно приступить къ разработкѣ траянскаго перевала до проходимости его съ артилеріею, но съ тѣмъ, чтобы работа производилась скрытно. Такая разработка была невозможна безъ взрыва камней, чего скрыть отъ турокъ было нельзя. Затѣмъ, для подобнаго предпріятія потребовалось бы, въ теченіе трехъ или четырехъ недѣль, по меньшей мѣрѣ батальонъ саперъ и бригада рабочихъ ⁽¹⁾. Объ этомъ было написано начальнику штаба арміи, съ просьбою разъясненія, какъ поступить. Покуда ожидалось разъясненіе, внезапная неудача у Елены заставила отправить изъ Ловче-Сельвинскаго отряда восемь ротъ къ Тырнову и отложить приготовленія къ переходу черезъ Балканы. Затѣмъ пала Шевна и всѣ предположенія измѣнились.

Чтобы и въ будущемъ отклонить намѣреніе относительно движенія черезъ Мара-Гайдукъ, было предложено еще разъ рекогносцировать Траянскій переваль, въ то время уже совершенно покрытый снѣгомъ, дабы вмѣстѣ съ тѣмъ убѣдиться, не произошло ли на немъ какихъ либо перемѣнъ, какъ отъ климатическихъ условій, такъ и относительно укрѣпленій. Для опредѣленія условій для этой окончательной развѣдки были вызваны въ Ловчу старшіе офицеры съ постовъ: изъ Траяна — войсковою старшина *Антоновъ*, изъ Монастыря — сотникъ *Грузиновъ* и изъ Остреца — поручикъ *Александровскій*. Имъ было приказано немедленно отправить въ горы надежныхъ развѣдчиковъ изъ болгаръ, съ тѣмъ, чтобы, кромѣ осмотра подъема, они употребили всѣ усилія пробраться въ долину и узнать силы турокъ какъ на перевалѣ, такъ и у южныхъ спусковъ. Вслѣдъ за развѣдчиками были вновь посланы къ Траянскому проходу генеральнаго штаба подполковники *Сосновскій* и *Сухомлиновъ*. Имъ было указано: а) собрать свѣдѣніе.

⁽¹⁾ Ознакомившись съ троянскимъ переваломъ до мельчайшихъ подробностей, слѣдуетъ замѣтить, что онъ действительно можетъ быть разработанъ и для движенія артилеріи. На сѣверномъ склонѣ труднѣе всего будетъ справиться съ первою горою, у Билжевицкихъ-кулабъ и съ послѣднимъ подъемомъ, что за овчарнею; во спускъ на югъ потребуетъ огромныхъ трудовъ и усилій.

сколько можно набрать вьюковъ въ окрестностяхъ Траяна; б) какія имѣются мѣстные средства для обезпеченія отряда продовольствіемъ; в) избрать пункты для его склада и для устройства лазарета; г) распорядиться заготовкою фуража; д) назначить сборные пункты для болгарскихъ охотниковъ (четниковъ) и передать начальникамъ четъ составленную для нихъ инструкцію.

Трое сутокъ, проведенныя командированными офицерами на Траянѣ, выяснили слѣдующее:

1) Вслѣдствіе выпавшихъ въ послѣднее время снѣговъ, подъемъ принялъ совершенно иной характеръ. Хотя на открытыхъ мѣстахъ онъ сдѣлался отъ глубины снѣга труднѣе, за то вообще представляетъ меньше трудностей для движенія: узкія тропы стали шире, ибо неровности между камнями заровнялись снѣгомъ и явилась надежда перетаскать на полозьяхъ и артилерію.

2) Мѣстные горцы обѣщаютъ для отряда ежедневно 200 вьюковъ, и для подъема орудій сколько понадобится буйволовъ.

3) На продовольствіе отряда мѣстными средствами рассчитывать нельзя, но неизмѣнно у горцевъ никакихъ запасовъ, но фуража достаточно.

4) Для склада продовольственныхъ припасовъ и для лазарета имѣется достаточно помѣщеній въ Кулибахъ.

5) Для разработки пути и для расчистки сугробовъ и заносовъ, можно рассчитывать на 400 рабочихъ изъ горцевъ.

6) На сколько можно было видѣть съ сѣвера, укрѣпленіе на «Орлиномъ гнѣздѣ» то же, но, по показанію лазутчиковъ, число турокъ, какъ на перевалѣ, такъ и у южныхъ спусковъ, увеличилось.

Общее же впечатлѣніе, вынесенное двумя названными офицерами генеральнаго штаба, было, что если отрядъ усилить и если удастся пройти безъ мятежей, то гораздо легче совершить переходъ зимою, чѣмъ осенью.

Объ этихъ свѣдѣніяхъ начальникомъ отряда 19-го декабря было лично доложено Главнокомандующему, причемъ заявлено, что переходъ у Траяна, если не застигнетъ мятежь, возможенъ; что атака съ фронта не требуетъ большихъ жертвъ; наконецъ, что отрядъ изъ 4 1/2 батальоновъ, при малой надеждѣ взвести орудія, слишкомъ слабъ. Столь ничтожный отрядъ, при громадности затрудненій на подъемѣ, можетъ быть задержанъ самою незначительною частью, и тогда вся цѣль перехода исчезнетъ. Указанная же цѣль состояла въ томъ, чтобы отвлечь на себя непріятеля отъ Шипки и тѣмъ облегчить общее наступленіе

генерала Радецкаго и фланговыхъ его отрядовъ—генераловъ Святополь-Мирскаго 2-го и Скобелева 2-го.

Недѣлю назадъ было основаніе надѣяться, что отрядъ будетъ усиленъ всею 3-й стрѣлковой бригадой, но въ настоящее время оказалось возможнымъ дать только 10-й стрѣлковый баталіонъ и саперную роту, потому что всѣ прочія свободныя части вошли въ составъ отряда генерала Скобелева 2-го. Тогда начальникъ отряда обѣщалъ сдѣлать все что зависить отъ человѣческихъ усилій, но за вѣрный успѣхъ не рачался, потому что ни Этропольскій хребетъ, ни знаменитый Шипкинскій переваль, не смотря на всѣ ихъ трудности, не могутъ идти въ сравненіе съ Траянскимъ Балканомъ, составляющимъ, послѣ Марагайдука, высшую точку всѣхъ балканскихъ горъ. Мѣстные горцы называютъ его «Дери-магаре», или «смерть магарска», т. е. «гибель словъ». Всѣ изслѣдователи Балкановъ, въ томъ числѣ Каницъ и Кольке, считаютъ Траянскій проходъ невозможнымъ для военныхъ движеній. Здѣсь безслѣдно гибли римскіе легіоны, а турки, покорители Византии и болгарскаго царства, искали другихъ путей, считая траянскій переваль недоступнымъ.

Его Высочество Главнокомандующій приказалъ начать переходъ одновременно съ наступленіемъ генерала Радецкаго, предположеннымъ на 24-е декабря: «Удастся перейти—честь и слава, а нѣтъ—такъ демонстрируй, но работай усердно», сказалъ Великій Князь, отпуская начальнаго отряда изъ своей юрты.

Появленіе русскаго отряда на Траянѣ должно было произвести потрясающее дѣйствіе на непріятеля, что и подтвердилось послѣдующими фактами и разсказами парламентаря и плѣнныхъ. Если бы даже пришлось ограничиться однимъ демонстрированіемъ, то и оно удерало бы противъ Траяна и въ долинѣ нѣсколько таборовъ, которые, оставаясь свободными, усилили бы турокъ у Шипки.

Имѣя въ виду, что разстояніе между Шипкою и Карнари, гдѣ предстояло спуститься, болѣе 70-ти верстъ, что при одновременномъ началѣ движенія въ горы съ наступленіемъ генерала Радецкаго, турки въ моментъ боя, когда имъ дорогъ каждый человѣкъ, не стали бы отдѣлать за 70 верстъ ни одного табора,—начало подъема назначено на 23-е декабря, т. е. за три дня до начала общаго наступленія на Шипкѣ, отложеннаго потомъ до 27-го числа, о чемъ получена была телеграма отъ генерала Радецкаго.

Въ три дня, оставшіеся до 23-го числа, предстояло сдѣлать следующее.

По возвращеніи начальника отряда изъ Богота въ Ловчу, 19-го декабря, поздно вечеромъ, въ теченіе ночи было исполнено слѣдующее:

1) Составлено распредѣленіе войскъ на эшелоны, для постепеннаго ихъ подъема на перевалъ. Двинуть весь отрядъ разомъ, или въ меньшемъ числѣ эшелоновъ, нельзя было, по невозможности собрать такое число выючныхъ животныхъ, которое было бы достаточно для подъема разомъ необходимаго для всего отряда продовольствія и снарядовъ.

2) Составлены для разбросанныхъ частей отряда маршруты, для сосредоточенія каждаго эшелона у Княжевицкихъ кулибъ.

3) Разосланы предписанія командирамъ отдѣльныхъ частей, въ томъ числѣ и командиру 3-й роты 6-го сапернаго баталіона, которая только наканунѣ пришла изъ Плевны и поступила въ составъ отряда.

Дальнѣйшія распоряженія о переформированіи ловче-сельвинскаго отряда въ Траянскій и составъ послѣдняго видны изъ слѣдующаго приказа отъ 20-го декабря.

«По волѣ Его Императорскаго Высочества Главнокомандующаго, изъ ловче-сельвинскаго отряда формируется подъ моимъ начальствомъ, для перехода черезъ Балканы у Траяна, Траянскій отрядъ, изъ слѣдующихъ частей:

<i>Пѣхота.</i> 9-й пѣхотный Старонингерманландскій полкъ въ полномъ составѣ	15 ротъ
10-го пѣхотнаго Новоингерманландскаго полка: 5-я 7-я, 2-я стрѣлковая роты и весь 3-й баталіонъ	8 »
10-й стрѣлковый баталіонъ;	4 роты
6-го сапернаго баталіона.	1 рота
	<hr/>
	Итого 28 ротъ.

<i>Кавалерія.</i> Донскаго казачьяго № 24-го полка	4½ сотни
» » № 30-го »	5 сотень
	<hr/>
	Итого 9½ сотень

Артилерія. 3-я батарея 3-й артилерійской бригады—8 орудій.

«Начальникомъ штаба отряда назначится исправляющій должность начальника штаба 3-й пѣхотной дивизіи подполковникъ Сосновскій.

«Всѣмъ чинамъ штаба этой дивизіи войти въ составъ штаба отряда.

«Начальникомъ артилеріи быть командиру 3-й артилерійской бригады Полковнику Золотухину.

«Отряднымъ комендантомъ назначаю 9-го полка маіора Лебединскаго, помощникомъ его—12-го полка поручика Альбединга.

«Генеральнаго штаба подполковнику Сухомлинову состоять при мнѣ для порученій.

«Ординарцами ко мнѣ назначаются: лейбъ-гвардіи Уланскаго Его Величества полка штабсъ-ротмистръ Крестовскій; 9-го полка—поручикъ Эрнротъ, 11-го полка—поручикъ Яковлевъ и 24-го казачьяго полка—хорунжіи Марковъ.

«Отряднымъ интендантомъ быть интенданту 3-й дивизіи подполковнику Исакову.

«Всѣ обозы и тяжести 1-й и 5-й батарей и подвижной дивизионный лазаретъ оставить въ Ловчѣ. Общее начальство надъ всѣми остающимися чинами и складами возлагается на подполковника 10-го полка Чигирина, которому руководствоваться особо даннымъ мною предписаніемъ.

«Интенданту Исакову временно остаться въ Ловчѣ, со всѣми находящимися въ его распоряженіи нижними чинами, для заготовки сухарей. Письмоводителю же его Романовичу слѣдовать до Кулибы, гдѣ устроить складъ продовольствія и руководить транспортировкой его, на выюкахъ, черезъ перевалъ.

«Врачамъ всѣхъ частей, исключая старшаго врача 10-го полка, слѣдовать съ отрядомъ и состоять въ распоряженіи главнаго врача подвижнаго лазарета Кунаховича, которому по взятіи перевала возвратиться въ Ловчу, а при отрядномъ штабѣ состоять хирургу Стивмаховичу и младшему врачу Федорову.

«Изъ роты носильщиковъ назначить съ отрядомъ 100 человекъ, при командирѣ капитанѣ Доброхотовѣ».

Подписалъ генералъ-лейтенантъ Карцовъ.

Во время этихъ распоряженій, т. е. въ ночь на 20-е декабря, когда ловче-сельвинскаго отряда, изъ которыхъ формировался Траянский, находились въ слѣдующихъ пунктахъ:

Въ Ловчѣ: 2-й баталіонъ 9-го полка, 2-я стрѣлковая рота и 3-й баталіонъ 10-го полка, саперная рота, 3-я батарея и три сотни 24-го казачьяго полка.

Въ Сельви: 1-я и 2-я линейныя роты и 3-й баталіонъ 9-го полка и двѣ сотни казачьяго № 30-го полка.

Въ Траянѣ: 1-я стрѣлковая рота 9-го полка, двѣ сотни 30-го казачьяго полка.

Въ монастырѣ Успенія: 3-я рота 9-го полка и сотня 30-го казачьяго полка.

Въ Острецѣ: 4-я рота 9-го полка и сотня 30-го казачьяго полка.

Въ Тетевенѣ: 5-я и 7-я роты 10-го полка и полторы сотни казачьяго № 24-го полка.

Такимъ образомъ, передъ выступленіемъ, отрядъ былъ разбросанъ въ шести пунктахъ. Вмѣстѣ съ вышеприведеннымъ приказомъ, во всѣ

эти пункты отправлены маршруты и распределение отряда по эшелону.

Распределение это было следующее:

Первый эшелонъ, под начальствомъ командира 10-го стрѣлковаго баталіона, полковника *Бородина*, составляли: 10-й стрѣлковый баталіонъ, саперная рота, 3-я батарея изъ Ловчи и двѣ сотни 30-го полка изъ Траяна. Части, расположенныя въ Ловчѣ, выступили 21-го декабря, 22-го ночевали въ деревнѣ Лупецъ, 22-го—въ Княжевицкихъ кулибахъ, откуда, 23-го, тронулись въ горы.

Второй эшелонъ, под начальствомъ командира 9-го пѣхотнаго Старонингерманландскаго полка, флигель-адъютанта полковника *графа Татищева*, былъ составленъ: изъ 1-й и 2-й ротъ и 3-го баталіона 9-го полка и двухъ сотенъ казачьяго № 30-го полка, находившихся въ Сельви, откуда 21-го декабря онъ перешелъ въ Демьяново, 22-го—въ Доброданъ, 23-го—въ Кулибы и 24-го—началъ подъемъ.

Третій эшелонъ образовали находившіеся въ Ловчѣ: 2-й баталіонъ 9-го полка, 2-я стрѣлковая рота и 3-й баталіонъ 10-го полка и двѣ сотни 24-го казачьяго полка. Начальникомъ эшелона назначенъ майоръ 9-го полка *Духновскій*, которому было предписано: 23-го декабря перейти въ Лупецъ, 24-го—въ Кулибы и 25-го—слѣдовать на перевалъ, гдѣ и присоединиться къ своему полку.

Четвертый эшелонъ составляли три роты 10-го полка, находившіяся въ Тетевени, и полторы сотни казачьяго № 24 полка. Онѣ должны были прибыть 22-го декабря въ Шипково, и 23-го, подъ начальствомъ подполковника *Сухомлинова*, совершить перевалъ на Рахманлы.

Послѣ этихъ, такъ сказать строевыхъ распоряженій, наступилъ самыя трудныя и наиболѣе озабочивающія распоряженія по продовольствію и устройству черезъ перевалъ сообщенія съ главною квартирою и съ оставленными въ тылу обозами и командами.

Въ отрядѣ состояло 6,500 человекъ, для которыхъ требовалось до 350 пудовъ сухарей ежедневно. Это количество и приказанъ было ежедневно отправлять изъ Ловчи въ Кулибы, на полевыхъ телегахъ 10-го полка и 10-го стрѣлковаго баталіона (*) Интенданту Исакову велѣно было усилить закупку зерна, и по обращеніи его въ муку, въ устроенныхъ въ Ловчѣ полевыхъ печахъ, перемалывать въ сухари, которые отправлять въ Кулибы. Туда же приказанъ было отправить и ожидаемый изъ Сисова интендантскій транспортъ вытребованный еще въ ноябрѣ. Транспортъ этотъ долженъ былъ дости-

(*) Обозъ 9-го Старонингерманландскаго полка оставался въ Сельви.

вить крупу, соль, преимущественно же людскіе и конскіе консервы, но онъ пришелъ въ Траянъ уже въ то время, когда отрядъ былъ за Балканами. Въ пять дней, съ 19-го по 25-е декабря, складъ сухарей въ Кулибахъ былъ уже на столько полонъ, что обезпечивалъ продовольствіе отряда на шесть дней и, кромѣ того, люди ѣмъли его на себѣ на четыре дня.

Оба офицера генеральнаго штаба выѣхали въ Траянъ впередъ, 21-го числа, и съ ними отправились: дивизионный врачъ Кунаховичъ и отрядный полиціймейстеръ, съ своею командою. На первыхъ было возложено озаботиться возможно большимъ сборомъ вьюковъ и воловьихъ подводъ для подъема разобранныхъ орудій и о вызовѣ изъ деревень болгаръ, для проложенія пути и расчистки заносовъ. Они же расквартировывали прибывающіе эшелоны и собирали свѣдѣнія о происходящемъ за Балканами. Главный докторъ былъ посланъ впередъ: для устройства въ Кулибахъ помѣщеній больнымъ и раненымъ, распорядиться транспортировку ихъ съ горъ и эвакуацію изъ Кулибъ въ Ловчу. Все это требовало значительныхъ перевозочныхъ средствъ, а между тѣмъ, средства эти оказывались далеко не такими, какія были обѣщаны мѣстнымъ населеніемъ недѣлю назадъ. Для передачи черезъ перевалъ одной суточной порціи сухарей (350 пудовъ) требовалось 60 вьюковъ, да для подвоза патроновъ и снарядовъ 15: а такъ какъ мы доставля въ Карпари и возвращенія вьюковъ обратно, при самой благопріятной погодѣ, требовалось не менѣе двухъ сутокъ, то отряду необходимо было имѣть въ своемъ распоряженіи не менѣе 150 вьюковъ ежедневно. Въмѣсто этого, болгары только въ первый день выставили 50, а затѣмъ, не смотря на щедрую плату, по 8-ми франковъ въ сутки, невозможно было достать и 30-ти вьюковъ. То же самое слѣдуетъ сказать и о рабочихъ для расчистки дороги. Собранныя отводы приходилось караулить, а рабочихъ окружать часовыми, безъ чего они разбѣгались. Вообще, готовность болгаръ помогать намъ выказалась больше обѣщаніями, чѣмъ дѣломъ. При слѣдованіи эшелоновъ на подъемъ, за ними шла масса кое-какъ вооруженнаго народа. Было несколько партій болѣе или менѣе организованныхъ, съ знаменами и предводителями; но во время боя никто не видѣлъ этихъ ополченцевъ, если было человекъ 10—15 въ цѣпи, то они составляли исключеніе. Слѣдующій примѣръ лучше всего характеризуетъ фактическую частіе болгаръ въ дѣлѣ ихъ освобожденія. Во время боя 26-го декабря (который будетъ описанъ ниже) было устроено два перевязочныхъ пункта: ближайшій къ позиціи за склономъ нашей батареи, а другой—верстахъ въ двухъ позади перваго, въ овчарнѣ. Для того,

чтобы санитарамъ не приходилось носить раненыхъ между пунктами и чтобы они могли быстрѣе возвращаться къ цѣпи, начальникъ отряда приказалъ для переноски къ дальнѣйшему пункту употребить болгаръ, которые собрались тутъ же, за склономъ, выжидая конца боя. По первому обращенію къ толпѣ, желающихъ не оказалось; по второму, толпа начала было расходиться. Оставалось одно средство обратиться къ угрозѣ, и она подѣйствовала...

Какъ на пріятное между болгарами исключеніе слѣдуетъ указать на два лица, оказавшія отряду неоцѣнимыя услуги: это настоятель Траянского Успенскаго монастыря, архимандритъ Макарій, и старшина Траянскаго окружія Георгій, отличившійся въ болгарскомъ ополченіи еще лѣтомъ. Первый всю осень распоряжался охраною сѣверныхъ спусковъ горцами, сопровождалъ подполковника Сухомлинова во всѣхъ рекогносцировкахъ и теперь не оставлялъ отряда ни на минуту. Утромъ онъ провожалъ эшелоны въ горы, руководилъ тамъ расчисткою пути, вечеромъ являлся къ начальнику отряда за приказаніемъ, ночью хлопоталъ въ монастырѣ по заготовкѣ хлѣба и водки и отправлялъ все это на выюкахъ къ отряду; къ разсвѣту, верхомъ на горной лошади, отецъ Макарій уже былъ опять на перевалѣ. Георгій, принявшій на себя устройство мѣстной полиціи въ Траянѣ, гдѣ не было никакой гражданской власти, много содѣйствовалъ по сбору выюковъ, фуражка и подводъ подь орудія.

22-го декабря, подполковникъ *Сухомлиновъ* отправился въ Шипково, чтобы съ ротами, которыя должны были придти изъ Тетевеня, на слѣдующее утро предпринять переходъ черезъ перевалъ къ Рахманлы и тѣмъ оказать содѣйствіе 1-му эшелону, который въ этотъ же день къ полудню прибылъ въ Кулибы. Артилерія подошла только къ вечеру, къ первому броду черезъ Осьму, между Траяномъ и Кулибами. Чтобы перевезти орудія на бивачное мѣсто, каждый поредокъ, каждое орудіе, каждый ящикъ пришлось перетаскивать особо, на людяхъ, по узкой дорожкѣ, поддерживая одно колесо на воздухѣ. Спускъ въ рѣчку и подъемъ на лужайку, гдѣ устроивался паркъ, представляли отвѣсные обрывы. Въ помощь утомленнымъ артиллеристамъ назначили роту пѣхоты. Работая при фонаряхъ и свѣтѣ костровъ, отъ сумерекъ до полуночи, едва переправили четыре орудія. Два изъ нихъ, назпаченные съ 1-мъ эшелonomъ, тотчасъ же начали разбирать по частямъ и увязывать на заранѣе заготовленные салазки.

23-го декабря, саперная рота, стрѣлковый баталіонъ и полсотни тронулись на подъемъ еще до разсвѣта, а вслѣдъ за ними двѣ роты 9-го полка и человекъ 300 болгаръ начали поднимать первое орудіе, подь

которое, вмѣстѣ съ двумя зарядными ящиками, было запряжено 48 буйволловъ. Намъ необходимо было какъ можно скорѣе занять хотя первые терасы и уступы подъема, иначе турки могли предупредить насъ и тогда пришлось бы все время подниматься подъ выстрѣлами. Спусти они хоть роту къ овчарнѣ и другую къ первому подъему, и мы не могли бы сдѣлать шага безъ громадной потери. Ведущая на перевалѣ тропа оказалась нѣсколько расчищеною болгарами только на протяженіи четырехъ верстѣ, но и то на столько, что саперы должны были безпрестанно останавливаться, то для срубки сваливашагося дерева, то для разбивки или спуска въ кручу торчащаго на пути камня. Начальникъ отряднаго штаба и при немъ ординарцы генерала, Брестовскій и Эрнротъ, шли впереди эшелона. Они не только были судьями неимовѣрныхъ усилій ротъ и саперовъ, поднимавшихъ орудія, но, для ободренія людей, принимали сами участіе въ ихъ работѣ. Такимъ образомъ, шагъ за шагомъ, къ полудню, стрѣлковый батальонъ добрался до овчарни, т. е. въ восемь часовъ времени прошелъ не болѣе девяти верстѣ. Не мало затрудненій представляло и то, что въ этотъ день, при сильномъ туманѣ, морозъ на подъемѣ дошелъ до 22°. Туманъ этотъ, по мѣрѣ подъема въ горы, обращался въ какую-то ледяную, прохватывающую насъ сквозь изморозь.

Въ этотъ же день начальникъ отряда, съ остальными чинами штаба, къ полудню пріѣхалъ въ Траянъ, еще въ августѣ до тла ожженннй турвами. На первыхъ десяти верстахъ отъ Ловчи уже можно было судить: съ какими страшными затрудненіями придется бороться въ горахъ. На каждомъ шагу мы обгоняли засѣвшія въ снѣгу или въ каменистыхъ рытвинахъ повозки, которыя роты попробовали взять съ собою только до Траяна. На нихъ везли шанцевый инструментъ и часть продуктовъ для устраиваемаго въ Кулибахъ запаса. При каждомъ спускѣ къ р. Осъмѣ и при подъемѣ на противоположный берегъ, гдѣ въ шести верстахъ отъ Ловчи начинается шоссе, весь 3-й эшелонъ долженъ былъ разойтись по повозкамъ и на рукахъ и лямкахъ спускать и поднимать ихъ (1).

Въ Траянѣ кипѣла уже усиленная дѣятельность. У единственнаго уцѣлѣвшаго домика, занятаго управленіемъ, собрано было до 50 коновъ и столько же подводъ; казаки хлопотали у коновязей; части

(1) Забѣлательно, что во всей Болгаріи, турки нигдѣ не доводили устраиваемыхъ ими дорогъ до города и не начинали ихъ ближе версты отъ него. Такъ, въ Ловчѣ, въ Карловѣ, въ Германли, въ Чирпанѣ вездѣ шоссе вдругъ прекращается не доходя города и снова начинается на болѣе или менѣе значительномъ отъ него разстояніи.

2-го эшелона съ пѣснями проходили въ Кулибы. Вскорѣ по прибытіи въ Траянъ получено было отъ подполковника *Сосновскаго* донесеніе съ половины подъема; онъ писалъ, что, судя по первой половинѣ пути: которая гораздо легче второй, нѣтъ возможности рассчитывать на одновременный съ пѣхотою подъемъ орудій, такъ какъ и первое орудіе далеко отстало отъ эшелона. Около вечера возвратился въ Траянъ съ подъема отрядный врачъ Кунаховичъ, поднявшійся съ 1-мъ эшелonomъ до овчарни, гдѣ онъ осматривалъ перевязочный пунктъ. Онъ сообщилъ, что саперы и стрѣлковый баталіонъ при немъ дошли до овчарни; что подъемъ разобраннаго орудія сопряженъ съ страшными затрудненіями; что второе орудіе разбираютъ, а остальные четыре только что переправили черезъ второй бродъ у Кулибъ, и что начальникъ штаба, съ командиромъ стрѣлковаго баталіона, при немъ отправились дальше.

При отправленіи подполковника Сосновскаго съ 1-мъ эшелonomъ, ему было указано занять перевалъ, если онъ окажется слабо защищаемымъ; если же укрѣпленіе занято сильно, то имѣть въ виду главную цѣль отряда—демонстрированіе, и потому занять только ближайшія возвышенности передъ укрѣпленіемъ и ожидать прибытія прочихъ эшелоновъ.

Сознавая всю важность предстоящихъ дѣйствій у Шипки и необходимость возможно скорѣе привлечь отъ нея къ Траянскому перевалу какую либо часть непріятельскихъ силъ,—съ другой стороны, тревожась участіемъ подполковника Сухомлинова, который, по предположенію, долженъ быть находиться на той сторонѣ, у Рахманлы, и могъ очутиться въ безвыходномъ положеніи; наконецъ, пользуясь туманомъ, обѣщавшимъ возможность скрытно подойти къ укрѣпленію и врасплохъ овладѣть имъ—подполковникъ *Сосновскій* предложилъ командиру 10-го стрѣлковаго баталіона, полковнику *Бородину*, сдѣлать попытку внезапнаго ночнаго нападенія.

Въ сумерки, молодецкій баталіонъ полковника Бородина подошелъ къ голому, занесенному снѣгомъ черену Траянскаго перевала. Съ нѣсколькими проводниками изъ болгаръ, среди ночной туманной мглы, стрѣлки начали взбираться, безъ слѣда, на двухверстную высоту 60 градусной крутизны. На послѣдней терасѣ баталіонъ перевелъ духъ и перестроился по-ротно въ двѣ линіи. Въ первую линію назначены 2-я и 3-я роты; позади стрѣлковъ пошли двѣ роты 9-го полка, составляя резервъ. Саперы остались у поднимаемаго орудія.

Не доходя версты до укрѣпленія, по два звезда были разсыпаны въ цѣпь, которая и продолжала пробираться впередъ, то скользя по

намершей скалѣ, то увязая до пояса въ снѣжныхъ сугробахъ. Людямъ приказано было соблюдать полную тишину и ни подъ какимъ видомъ не только не открывать огня, но и не отвѣчать на выстрѣлы противника. Стрѣлки подобрались уже шаговъ на 800 къ укрѣпленію, какъ вдругъ, на ближайшей лѣвой высотѣ, запыхалъ костеръ и вслѣдъ за этимъ сигналомъ, моментально, по всей линіи укрѣпленія былъ открытъ ружейный огонь. Всѣ шансы внезапнаго нападенія исчезли. Оставаться подъ огнемъ было безцѣльно, отступать не хотѣли, и вотъ вся цѣпь, а за нею и резервы, безъ выстрѣла бросились впередъ; но, не доходя шаговъ 300 до подошвы скалы «Орлиное гнѣздо», очутились въ мертвомъ пространствѣ, образуемомъ незначительною складкою мѣстности. Офицеры воспользовались этою случайностію и остановили свои части. Не смотря на стужу, достигшую къ полуночи до 27°, баталіонъ оставался жечь до тѣхъ поръ, покуда турки не прекратили огня, и отступилъ уже передъ самымъ разсвѣтомъ. Оставивъ на гребнѣ наблюдательные посты, онъ былъ отведенъ на бивакъ, въ лѣсъ у овчарни.

Эта ночная рекогносцировка раскрыла:

1) Что кромѣ люнета, на выдающейся скалѣ, у непріятеля устроены ю восточному склону хребта траншеи, въ нѣсколько ярусовъ, и что есть укрѣпленіе и противъ подъема, ведущаго отъ монастыря.

2) Что укрѣпленія заняты нѣсколькими таборами низама, что до-зывалось выдержкою залповъ и отчетливостію команды.

3) Что атака съ фронта, безъ предварительной подготовки силь-ной артилеріею, по крутизнѣ подступа, безъ громаднхъ потерь, не-возможна.

24-го декабря, на разсвѣтѣ, получена была начальникомъ отряда слѣдующая записка подполковника Сосновскаго:

«У перевала, 24 10 декабря. 3 часа утра. Сейчасъ возвратился изъ подъ укрѣпленій, которыя неузнаваемы. Орудіе доведено только до овчарни. Свѣта на перевалѣ до полутора аршинъ. Болгары дороги не расчистили. Тре-вожусь участію Сухомлинова. Пользуясь туманомъ и рассчитывая на сла-бость укрѣпленія, казавшагося мнѣ такимъ 17-го числа, я предложилъ полковнику Бородину сдѣлать попытку овладѣть укрѣпленіемъ внезапно. Ишь только стрѣлки приблизились на дальній ружейный выстрѣлъ, какъ при открыли огонь, который не прекращали всю ночь, почти ни на ми-нуту. Укрѣпленія въ эти нѣсколько дней рѣшительно преобразились и пред-ставляютъ теперь три яруса ложементовъ; но что самое важное—построены зовья, которыхъ прежде не было. Днемъ сообщу вашему превосходитель-ству подробности; теперь, послѣ двухъ безсонныхъ ночей, отъ безсилія не въ состояніи. Всѣ усилія употребляю, чтобы къ полудню втащить орудіе».

Ночная рекогносцировка стоила намъ слѣдующихъ потерь: убито 8 стрѣлковъ; ранены: 10-го стрѣлковаго баталіона поручикъ *Копайтуло*—въ ногу, 10 стрѣлковъ, 1 рядовой 9-го полка и 1 казакъ; контужены: стрѣлковаго баталіона прапорщикъ *Бойно-Родзевичъ*—въ голову и 6 стрѣлковъ. Кромѣ того, у командира 3-й роты, штабсъ-капитана *Зайцева*, отморожены ноги; 9-го полка штабсъ-капитанъ *Панковъ* сильно ознобленъ и 48 стрѣлковъ отморозили ноги; итого вышло изъ строя 4 оберъ-офицера и 68 нижнихъ чиновъ.

Вслѣдъ за запискою подполковника Сосновскаго получено было съ нетерпѣніемъ и тревогою ожидаемое донесеніе и отъ подполковника *Сухомлинова*. Онъ писалъ, что прибылъ 22-го, вечеромъ, въ Шипково, не нашелъ тамъ ни ротъ, ни казаковъ, должествовавшихъ придти изъ Тетевеня. Сознавая всю важность удачнаго обхода на Рахманлы. онъ рѣшился отправиться туда съ двумя взятыми имъ изъ Трояна сотнями. Проводники увѣрили, что лѣтомъ въ этомъ мѣстѣ можно перейти Балканы въ теченіе девяти часовъ. Разсчитывая, что при снѣгахъ придется идти гораздо далѣе, сотни выступили въ 4 часа утра. Въ горахъ, не только дороги, о которой толковали болгары, но и признака человѣческаго слѣда не оказалось. Не смотря на это, предприимчивый подполковникъ Сухомлиновъ шелъ впередъ шесть часовъ, пробираясь по сугробамъ. Въ теченіе этихъ шести часовъ прошли только первый, меньшій хребетъ и спустились въ деревню Рыбарцы, откуда начинается второй подъемъ, на главный перевалъ. Пролагая путь по глубокой цѣлибѣ собственною грудью, не только люди, но и лошади, которыхъ вели въ поводу, выбивались изъ силъ и отставали. Съ полудня пошелъ снѣгъ, но и онъ не сразу остановилъ казаковъ: они карабкались, хватаясь за камни, за вѣтви деревъ, покуда выюга не заляпила глаза. Проводники отказывались взбираться выше. Идти далѣе, до открытаго черепа, значило подвергнуть сотни явной гибели. Все это вмѣстѣ заставило подполковника Сухомлинова, послѣ непродолжительнаго отдыха, вернуться въ Шипково, куда едва-едва добрались ночью. Тамъ онъ нашелъ только что прибывшія изъ Тетевеня, съ майоромъ *Кобордо 2-мъ*, роты 10-го полка и полторы сотни. Онѣ не могли прибыть въ Шипково, какъ было назначено, однимъ переходомъ, тоже вслѣдствіе заносовъ въ горахъ.

По полученіи вышеприведенныхъ донесеній, посланы были приказанія: подполковнику *Сосновскому*—оставить стрѣлковый баталіонъ на общемъ бивакѣ; ускорить подъемъ орудій; принять мѣры къ отысканію обхода противъ фронтальной турецкой позиціи. Подполковнику *Сухомлинову*—по прибытіи въ Кулибы, оставить тамъ части 4-го эше-

юна, какъ общій резервъ отряда, самому же, съ двумя сотнями 30-го полка, присоединиться на перевалѣ ко 2-му эшелону и, являсь начальнику его, флигель-адъютанту *графу Татищеву*, состоять при немъ.

Саперная рота, еще до разсвѣта 24-го декабря, направлена была на подъемъ, разработывать проложенную наканунѣ грудью стрѣльковъ дорогу. Вслѣдъ за нею, двѣ роты 9-го полка, принадлежащія къ 1-му эшелону, поволокли на лямкахъ разобранное орудіе. Страшно было вообразить — что имъ предстояло. Путь, наканунѣ пройденный стрѣлками, обозначался только глубоко взрытымъ, по прямой цѣлинѣ, снѣгомъ. Громадный, совершенно голый черепъ крутой горы стоялъ снѣжною стѣною, изъ которой тамъ и сямъ торчали черныя глыбы каменныхъ обледенѣлыхъ скалъ. Втаскивать орудіе на эту стѣну, прямо по слѣду стрѣльковъ. — нечего было и думать, даже и воротами, если бы и было возможно устроить ихъ. Нужно было расчистить дорогу зигъ-загами. Чтобы намѣтить ихъ, подполковникъ *Сосновскій*, сотникъ 30-го казачьяго полка *Пошлуевъ*, ординарцы начальника отряда *Крестовскій* и *Эрмротъ*, стали вперед саперовъ и, по-грудь въ снѣгу, проваливаясь въ занесенныя ямины, или скользя и цѣпляясь за камни, пошли въ гору. Обозначивъ одинъ зигъ-загъ, они раздѣляли рабочихъ по партіямъ и лично руководили расчисткою.

Отъ разсвѣта до самаго полудня шла эта тяжкая работа, безъ перерыва и отдыха: лопаты, топоры, кирки, ломы, — все пошло въ дѣло и не смотря на 15-ти градусный морозъ, саперы обливались потомъ. Сѣва они успѣвали кончать одинъ зигъ-загъ, какъ на него старонингерландцы уже тащили на дубкахъ колесо или станину лафета, а за ними паръ десять буйволовъ, при помощи цѣлаго взвода, волокли тѣло 9-ти-фунтовой пушки. Особенно затрудняли передки и корпуса ящиковъ, съ которыхъ нельзя было снять осей, потому что сборка и свививаніе ихъ требовали бы тщательности, недостижимой въ полѣ, съ станковъ и инструментовъ.

Къ полудню подошелъ къ овчаргѣ 2-й эшелонъ. *Графъ Татищевъ*, съ присоединившимся къ нему *Сухомлиновымъ* и большею частью ротныхъ командировъ, отправились на перевалъ, чтобы лично ознакомиться съ мѣстностью и съ расположеніемъ турецкихъ укрѣпленій. При нихъ, около 5-ти часовъ по полудни, первое орудіе было собрано и поставлено на той самой горѣ, на которой вчера горѣлъ сигнальный костеръ турокъ. Къ тому времени, саперы тоже успѣли нагрести для орудія брустверъ и вырыть въ снѣгу прикрытіе для при-

Ровно въ половинѣ 6-го, въ канунъ праздника Рождества Христова. грянулъ первый русскій выстрѣлъ съ Траянскаго Балкана и горно-эхо разнесло его по ущельямъ. Снарядъ далъ перелетъ. Вторая граната разорвалась. не долетя до укрѣпленія, а третья разсыпалась надъ самымъ брустверомъ. Вслѣдъ за попавшею шрапнелью, надъ не-пріятельскимъ люнетомъ, лѣвѣе (отъ нашего орудія), показалось бѣлое облачко и граната горнаго орудія зарылась въ снѣгъ, въ ста шагахъ передъ нашею позиціей. Другой ихъ выстрѣлъ даже громадный перелетъ и снарядъ не разорвался. Затѣмъ все замолкло, и этими пробными выстрѣлами закончился день 24-го декабря.

Рота саперовъ возвратилась къ другому поднимаемому орудію; двѣ сотни съ ротой 9-го полка и двумя болгарскими четами оставлены при батарее. Къ нимъ вечеромъ подвезены были на вьюкахъ мясо, водка и дрова. Костры наши всю ночь ярко горѣли на Траянской вершинѣ. Они и огни, пылавшіе въ рощѣ на общемъ бивакѣ, замѣняли вдали отъ родины русскія рождественскія ёлки.

Поздно вечеромъ начальникъ отряда возвратился съ подъема въ Кулибы и засталъ слѣдующую шифрованную депешу отъ генерала *Радецкаго*: «Колонны генераловъ Скобелева и Мирскаго начинаютъ движеніе 25-го декабря, причемъ надо полагать, что Скобелевъ сосредоточится у Иметли 26-го декабря. Было бы желательно, чтобы отрядъ вашего превосходительства подошелъ къ Иметли утромъ 26-го. Во всякомъ случаѣ...» (далѣе, вѣроятно по ошибкѣ противъ ключа, 10 слоговъ нельзя было разобрать); а затѣмъ депеша кончалась словами: «Прошу войти возможно скорѣе въ связь съ генераломъ Скобелевымъ».

Вѣроятно генералу Радецкому не было извѣстно, что траянскій отрядъ могъ начать движеніе къ перевалу только 24-го декабря. Надо полагать, что едва ли онъ зналъ, что нашъ отрядъ состоялъ всего изъ 5½ баталіоновъ. Если бы они даже не встрѣтили ни страшныхъ преградъ природы, ни сопротивленія непріятеля, то и тогда ни въ какомъ случаѣ не могли бы 26-го декабря утромъ быть у с. Иметли до котораго отъ Траяна болѣе 67 верстъ (1).

По полученіи вышеупомянутыхъ донесеній, съ перевала отъ Сосновскаго и изъ Шипкова отъ Сухомлинова, еще утромъ 24-го отправлена была начальникомъ отряда въ Боготъ слѣдующая телеграмма Его Высочеству Главнокомандующему:

«Послѣ страшныхъ усилій, одно орудіе дошло до перевала. Вче-

(1) Сколько извѣстно, отрядъ генерала Скобелева 26-го декабря въ Иметли и послѣдъ и пришелъ туда только 27-го, что и было причиною того затруднительнаго положенія, въ которомъ очутился генералъ князь Мирскій.

ранняя демонстрація и ночная рекогносцировка указали, что южный склонъ сильно укрѣпленъ и обороняется низомомъ. Во второй линіи два укрѣпленія, связанные траншеями. Оборона двурусная. По полученнымъ свѣдѣніямъ, къ Карнари подходятъ подкрѣпленія. Морозъ ночью доходилъ до 27 градусовъ; отморозившихся въ стрѣлковомъ баталіонѣ 48. Атака съ фронта повлечетъ огромныя потери. Обходная колонна Сухомлинова отъ Шипкова на Рахманлы едва не погибла въ свѣгазъ и онъ возвратился».

Утромъ 25-го декабря началъ подниматься 3-й эшелонъ маіора *Духовскаго*, и съ нимъ всѣ вьюки, принадлежавшіе офицерамъ отряда. Утро было совершенно тихое, ясное, но морозное. Дорога до овчарни была уже до того утоптана и расширена, что подъемъ этого эшелона казался обыкновеннымъ маршемъ, и нѣкоторымъ ротамъ удалось даже провезти до бивака запасъ своихъ сухарей и патроновъ на саняхъ, запряженныхъ парю буйволовъ. Къ 10 часамъ эшелонъ былъ уже на мѣстѣ.

Съ приходомъ 3-го эшелона, расположеніе отряда было слѣдующее:

На перевалѣ, противъ непріятельскихъ укрѣпленій, въ прикрытіи при орудіяхъ: двѣ роты 9-го полка, саперная рота и двѣ сотни 30-го казачьяго полка, изъ которыхъ одна на постахъ и въ развѣдкахъ.

На общемъ бивакѣ. въ рощѣ у послѣдняго подъема: 10-й стрѣлковый баталіонъ, 13 ротъ 9-го полка, 1-я и 3-я стрѣлковыя роты 10-го полка, три сотни 30-го казачьяго полка и двѣ сотни 24-го.

У Кулибы, въ общемъ резервѣ: шесть ротъ 10-го полка, шесть орудій и двѣ сотни 24-го казачьяго полка (*).

День 25-го декабря былъ употребленъ на подготовительныя распоряженія къ общему движенію всего отряда на перевалъ: на окончательный подъемъ втораго орудія и 4-хъ зарядныхъ ящиковъ, а главное на отысканіе обходнаго пути непріятельской позиціи. Начальникъ штаба, подполковникъ *Сосновскій*, еще наканунѣ собралъ нѣкоторымъ объ этомъ свѣдѣнія и прибылъ съ ними въ Кулибы, гдѣ начальникъ отряда осматривалъ раненыхъ и ознобившихся, и дѣлалъ послѣднія распоряженія для предстоящаго общаго наступленія. *Графу Татищеву* и подполковнику *Сухомлинову*, принимавшимъ съ своей стороны всѣ мѣры найти обходъ, предписано было 25-го числа ограничиться артиллерійскимъ огнемъ и демонстрированіемъ.

Въ какой мѣрѣ это распоряженіе согласовалось съ желаніями Глав-

(*) Остальная сотня 24-го полка занимала легучую почту отъ перевала до телеграфа въ Довчѣ, и одна сотня 30-го полка находилась на службѣ при штабѣ отряда.

новомандующаго, видно изъ полученной, около полудня, слѣдующей отъ начальника штаба депеши:

«Главномандующій одобряя всѣ ваши распоряженія и приказалъ, чтобы вы обо всемъ доносили Его Высочеству возможно чаще. Великій Князь приказалъ продолжать сильныя демонстраціи, чтобы облегчить дѣйствія Радецакаго, который 27-го атакуеть Шипку, а Скобелевъ 2-й—26-го числа спустится съ горъ и займетъ Иметан. Атакъ съ фронта и напрасныхъ потерь избѣгайте (!)».

Чѣмъ ближе подходило время рѣшительнаго дѣйствія, тѣмъ болѣе озабочивала мысль о будущемъ. Въ предположеніи, что если и удастся сбить турокъ и спуститься къ Карнари, невольно рождался вопросъ: что же дальше? Не зная, что мы встрѣтимъ въ долину Гюпса, мы были озабочены, найдется ли тамъ продовольствіе? въ какихъ силахъ турки занимають укрѣпленныя ими ущелья Клисурь и Калофера? что дѣлается на западѣ у генерала Гурко? чѣмъ кончится наступленіе у Шипки?—Все это, вмѣстѣ съ сознаніемъ, что послѣ спуска у отряда уже не будетъ пути отступленія,—сильно насъ тревожило. Хотя въ послѣднюю бытность въ главной квартирѣ и было условлено, что 2-я бригада 3-й дивизіи, спустившись у Златицы, направится на соединеніе съ троянскимъ отрядомъ черезъ Клисуру, но удастся ли ей взять эту сильную позицію,—былъ еще вопросъ. «Спустившись въ долину, вамъ придется смотрѣть въ оба и быть готовымъ къ различнымъ случайностямъ», было сказано въ письмѣ, полученномъ начальникомъ отряда утромъ 25-го декабря изъ главной квартиры.

Между тѣмъ, на перевалѣ не малую тревогу произвело опасеніе другаго рода. Передъ восходомъ солнца небо покрылось облаками, подулъ вѣтеръ и перевалъ «закурился», какъ выражались болгары. Къ счастью, это продолжалось не болѣе получаса и снова стихло. Начнись вьюга, то не только всѣ трехдневныя усилія пропали бы, но отрядъ былъ бы на долго отдѣленъ отъ своихъ запасовъ въ Кулибахъ, и если бы не погибъ, то понесъ бы большія потери замерзшими.

Старанія офицеровъ генеральнаго штаба отыскать обходный путь на Карнари не остались безъ результатовъ. Призванные на совѣщаніе болгары изъ мѣстныхъ горцевъ заявили, что надо пробовать спуститься въ ущелье восточнѣе нашей батареи, и если это удастся, то они ручаются провести войска къ Карнари, въ тылъ турецкихъ позицій. Подполковникъ *Сухомлиновъ* вызвался произвести лично изслѣдованіе этого пути. Въ 10 часовъ утра, онъ съ нѣсколькими офицерами Староингерманландскаго и 30-го казачьяго полковъ, съ охотни-

(!) Дешепа изъ Богота въ Ловчу № 2,142.

нами изъ унтеръ-офицеровъ, сопровождаемый проводниками, началъ спускаться по скату, не имѣвшему и признака человѣческаго слѣда. Гусемъ, большею частію держась другъ за друга и увязая въ снѣгу, — гдѣ ползкомъ, гдѣ прыжкомъ, — смѣльчаки добрались до извѣстной горцамъ тропы, прошли по ней съ версту къ югу и убѣдись, что они должны быть уже на линіи турецкой позиціи, возвратились часамъ къ тремъ къ биваку.

Во время этой экскурсіи дѣятельно продолжался подъемъ второго орудія и зарядныхъ ящиковъ; но такъ какъ путь, проложенный для перваго орудія, еще не успѣло занести, то работа шла гораздо быстрѣе, и къ 2-мъ часамъ дня второе орудіе было уже постановлено на слѣдующей возвышенности того же хребта, саженъ на 300 лѣвѣе перваго. Оба орудія не были поставлены вмѣстѣ оттого, что съ новой позиціи удобнѣе было дѣйствовать по тому укрѣпленію, которое могло препятствовать нашему обходу.

Получивъ свѣдѣніе объ отысканіи обходнаго пути, начальникъ отряда рѣшилъ предпринять на слѣдующій день общее наступленіе и атаку непріятельскихъ позицій. Для этого отдана была имъ на 26-е декабря слѣдующая диспозиція:

«Завтрашняго числа, всѣмъ тремъ находящимся на перевалѣ эшелонъ, подъ командою флигель-адъютанта полковника *графа Татищева*, выйти до разсвѣта къ вершинѣ перевала и произвести наступленіе на непріятельскую позицію двумя колоннами:

«Въ лѣвую колонну, подъ начальствомъ командира казачьяго № 30-го полка, полковника *Грекова*, назначаю: 10-й стрѣлковый баталіонъ, 1-й баталіонъ 9-го пѣхотнаго Староингерманландскаго полка, 1-ю и 3-ю стрѣлковыя роты 10-го пѣхотнаго Новоингерманландскаго полка и пять сотенъ Донскаго 30-го казачьяго полка.

«Колоннѣ этой, собравшись позади артилерійской позиціи, спуститься въ оврагъ лѣвѣе лѣса и, обойдя правый флангъ противника, занять въ тѣлу его деревню Карнаре.

«Правой колоннѣ: 2-му и 3-му баталіонамъ 9-го полка, 6-й сотнѣ казачьяго № 30, съ 1-й, 4-й и 5-й сотнями казачьяго № 24-го полковъ, подъ ближайшимъ начальствомъ флигель-адъютанта полковника *графа Татищева*, давъ время лѣвой колоннѣ совершить обходъ, атаковать укрѣпленія съ фронта; послѣ же выбитія непріятеля изъ редутовъ, спуститься къ Лесе и Карнаре и, принявъ мѣры къ обезпеченію отъ нечаяннаго нападенія, направить сильныя партіи, не менѣе какъ изъ двухъ сотенъ, въ *Лисуръ* и *Калоферу* и послать разъѣзды къ югу.

«Всѣмъ прочимъ частямъ отряда оставаться въ общемъ резервѣ на бивакѣ, впредь до привазанія.

«Перевязочные пункты имѣть: ближайшій за горой, правѣ орудій, а второй у овчарни, куда назначить медиковъ и санитаровъ, по распоряженію дивизионнаго врача Кунаховича.

«Я буду находиться сначала на позиціи у орудій, а во время атакъ съ фронта—впереди резерва».

Въ то время, какъ эта диспозиція переписывалась, флигель-адъютантъ полковникъ графъ Татищевъ прислалъ съ нарочнымъ офицеромъ записку, которою испрашивалъ разрѣшеніе произвести утромъ 26-го декабря, со вѣреннымъ ему эшелономъ, наступленіе на турецкую позицію. Къ запискѣ была приложена и копія съ отданнаго по этимъ эшелонамъ приказанія. Видя, что всѣ сдѣланныя графомъ Татищевымъ распоряженія вполнѣ согласуются съ составленною диспозиціею, начальникъ отряда утвердилъ ихъ, о чемъ и было ему написано съ присланнымъ офицеромъ.

Только что диспозиція была отправлена въ части отряда, какъ получена была отъ Великаго Князя слѣдующая телеграмма:

«Генераль Гурко занялъ 22-го декабря Софію, откуда турки отступили къ западу, по дорогѣ на Кюстендиль. Сербы подходят къ Софіи. Войска наши, преслѣдовавшія турокъ отъ Арабъ-Конака, заняли Петричево; кавалерія выслана на Калоферъ, на Олгукіюй, Ихтиманъ и Самаковъ. Когда спустишься съ горъ, немедленно пошли сильные разѣзды къ сторонѣ Златицы, чтобы войти въ связь съ кавалеріею, которая, какъ указано выше, послана къ сторонѣ твоего отряда» (1).

Это было первое полученное нами свѣдѣніе о томъ, что происходитъ на западномъ театрѣ войны; но и теперь оставалось неизвѣстнымъ, что предпринято генераломъ Дандевилемъ для соединенія съ нами и гдѣ наша 2-я бригада. Что же касается указанія о необходимости освѣтить мѣстность къ Златицѣ, то изъ приведенной выше диспозиціи видно, что это уже было предписано. Вслѣдъ за депешею Главнокомандующаго получена была другая, отъ начальника штаба арміи. Въ ней было сказано:

«Радецкій началъ движеніе и утромъ 24-го занялъ лѣвою колонною Брестецъ безъ боя, а вечеромъ 24-го начала движеніе и правая колонна Свобелева 2-го. 27-го декабря предполагается общая атака. Гурко написано, чтобы части 3-й дивизіи направились безъ замедленія на Клисуру и Карлово. 20-го Златица занята нами, а казаки и драгуны заняли Лежаны» (2).

(1) Телеграмма № 1,900, послана изъ Бюгата 24-го декабря въ 12 часовъ дня за № 1047.

(2) Число, обозначенныя въ этой депешѣ не сходятся съ выставленными въ

Сдѣлавъ окончательныя распоряженія для приѣма раненыхъ на этапномъ лазаретѣ въ Кулибахъ и для дальнѣйшей транспортировки ихъ, равно для немедленной отправки выюковъ съ патронами и снарядами за переваль, 26-го декабря начальникъ отряда еще до разсвѣта, вмѣстѣ съ начальникомъ штаба, поѣхалъ на позицію. Обгоняя на пути разобранныя, поднимаемыя съ неимоверными усиліями части третьяго орудія, оны убѣдились въ невозможности присоединить ихъ къ отряду. Если послѣдній, какъ и надо было ожидать, не долго останется на мѣстѣ. Обращенныя мѣстами къ югу покатоности подъема оголились отъ растаявшаго въ ясные дни снѣга, такъ что все, что тащили на лубкахъ и салазкахъ, остановилось, и никакія усилія людей и подпрягаемыхъ лошадей и буйволовъ не могли сдвинуть поднимаемыхъ частей орудія съ мѣста. Выбившіеся изъ силъ артиллеристы и команды отъ 4-го эшелона приходили въ отчаяніе; всѣ, предвидя дѣло, рвались скорѣе на переваль, къ товарищамъ, и готовы были плакать съ горю. Видя, что усилія втащить орудія будутъ напрасны и могутъ задержать отрядъ, генералъ приказалъ не поднимать остальныхъ орудій 3-й батареи на переваль, а возвратить ихъ въ Ловчу, къ оставленнымъ тамъ батареямъ (1).

У овчарни все уже было готово для принятія раненыхъ съ перваго перевалочнаго пункта. На бивакѣ никого не было, кромѣ выюковъ и офицерскихъ вѣстовыхъ. Колонна полковника Грекова тронулась въ 4 часа и еще до разсвѣта сосредоточилась въ сѣдловинѣ, позади артиллерійской позиціи. Правая колонна поднялась за нею; а прочія части, оставлявшія резервъ, подходили еще къ овчарнѣ. Около 6-ти часовъ, когда горы были еще покрыты бѣловатымъ туманомъ, и на небѣ кое-гдѣ еще мелькали звѣзды, лѣвая колонна начала спускаться въ оврагъ. Въ головѣ шла 1-я стрѣлковая рота старонингерманландцевъ; за нею 1-я и 3-я стрѣлковыя роты 10-го полка, 10-й стрѣлковый баталіонъ; затѣмъ, 1-й баталіонъ 9-го полка и, наконецъ, четыре сотни 30-го полка. За болѣзнію командира стрѣлковаго баталіона полковника Бородина, полковникъ Грековъ поручилъ всю пѣхоту своей колонны общему начальству приведенной дивизіи генерала Радецкаго. Оны уведомятъ, что начало его движеній 25-го, а штабъ арміи писалъ 24-го.

(1) Передъ движеніемъ за Балканы, во всѣхъ отрядахъ было сдѣлано распоряженіе, чтобы батареи выступили въ 4-хъ орудійномъ составѣ. Такъ какъ 3-я артиллерійская бригада имѣла лошадей въ отличныхъ тѣлахъ, то нашимъ батареямъ приказано было готовить по 6-ти орудій и то только потому, что не всѣ еще лошади были пополнены изъ конскаго запаса. Этимъ дивизія была обязана батарейнымъ командирамъ, отлively содержавшимъ лошадей, и особенно изобиліемъ и распорядительности бригаднаго командира полковника Золотулина.

частью 9-го полка майору *Иванову* (1). Въ половинѣ восьмага вся обходная колонна была уже въ ущельѣ, а части правой колонны расположились за скатомъ, позади орудій. Въ 7 часовъ утра наши орудія открыли огонь. Турки отвѣчали изъ двухъ горныхъ орудій дальнаго боя и отвѣчали весьма живо. Хотя гранаты ихъ и жожились возлѣ нашего перваго орудія, гдѣ находились графъ Татищевъ и Сухомлиновъ, но ни одинъ снарядъ не нанесъ намъ ни малѣйшаго вреда во все время боя. Невозможное спокойствіе обоихъ этихъ штабъ-офицеровъ служило примѣромъ для всей колонны.

Болѣе полутора часа казалось, что турки не замѣчаютъ обхода, какъ вдругъ, около 9 часовъ, страшный и только возможный у турокъ трескъ ружейной пальбы огласилъ горы. Съ позиціи у орудій было видно, что выстрѣлы изъ траншей направлены вправо, именно въ ту сторону, гдѣ шла обходная колонна. Въ это же время получена первая записка Грекова, что онъ дошелъ до праваго фланга турецкихъ укрѣпленій и атакуетъ ихъ. Для отвлеченія непріятеля отъ этой атаки графъ Татищевъ приказалъ 2-му баталіону, подъ командою майора *Духновскаго*, двинуться противъ «Орлинаго гнѣзда» съ фронта. До сих поръ баталіонъ этотъ былъ совершенно прикрытъ изгибомъ горы. Самое трудное было—выйти изъ-за этого изгиба, прямо подъ выстрѣлы укрѣпленія и подъ ними, на открытой полянѣ, въ снѣгу выше колѣнъ строить боевой порядокъ. Но опытный *Духновскій* началъ выводиться роты по частямъ. 2-я стрѣлковая рота съ своимъ, уже испытаннымъ въ тетевенскомъ дѣлѣ, ротнымъ командиромъ *Яковлевымъ* во главѣ тронулась первою. Нѣсколько унтеръ-офицеровъ и стрѣлковъ вызвали выбѣжать изъ-за скалы (2). Когда они, пригнувшись къ землѣ, выхледи другъ за другомъ и, принимая влѣво, образовывали рѣдкую цѣпь весь передній фасъ «Орлинаго гнѣзда» и его траншеи открыли сильный огонь. Пренебрегая имъ, 2-я стрѣлковая рота, по примѣру своихъ охотниковъ, постепенно усиливала ихъ и черезъ нѣсколько минутъ, обзовавъ густую цѣпь, залегла и закопалась въ снѣгу, отвѣчая на выстрѣлы уже изъ-за валиковъ. За нею пошла 5-я рота. Остальныя роты, оставшіеся въ резервѣ, вышли впередъ уже тогда, когда цѣпь допознала до той складки мѣстности, гдѣ турецкія пули перелетали рѣзъ стрѣлковъ. Съ занятой стрѣлковою ротою мѣстности были видны другихъ укрѣпленія, которыхъ нельзя было видѣть съ мѣста расположе-

(1) Полковникъ *Бородинъ*, накануне ознобившій ногу, во время выступленія колонны былъ на перевязкѣ, но потомъ догналъ ее и принималъ участіе въ бою.

(2) Первыми вызвались унтеръ-офицеры: *Иванъ Гадаевъ*, *Назаръ Джигитовъ*, *Сидоръ Кусакинъ* и стрѣлки: *Шалавинъ*, *Улитинъ* и *Григорій Ивановъ*.

резерва. Укрѣпленія эти уже дѣйствовали противъ колонны Грекова. Для ослабленія этого дѣйствія и отвлеченія его на себя, майоръ Духовскій приказалъ 5-й ротѣ разсыпаться лѣвѣ стрѣлковой, а 7-й ротѣ стать за лѣвымъ флангомъ. За бугромъ, на которомъ остановилась пѣль, на протяженіи шаговъ 500, шло ровное пространство, въ концѣ котораго, не далѣе какъ въ двухстахъ шагахъ отъ подошвы скалы «Орлинаго гнѣзда», и находилось то мертвое пространство, о которомъ упоминалось при описаніи ночной рекогносцировки стрѣлковаго баталіона. Въ это-то пространство, звено за звеномъ, отдѣленіе за отдѣленіемъ, перебрался, часамъ къ 12, весь 2-й баталіонъ, и залегъ размянувши ряды.

Между тѣмъ, полковникъ *Грековъ* вель свою колонну подѣ фланговымъ огнемъ турецкихъ укрѣпленій, не приносившихъ ему вреда потому, что турки открыли его болѣе чѣмъ за полторы версты, не обращая вниманія на то, что выпуклость склона мѣстами прикрывала наше движеніе. Когда голова колонны нѣсколько миновала правый флангъ турецкой позиціи, майоръ *Ивановъ* завелъ ее лѣвымъ плечомъ параллельно ложементамъ и построилъ роты въ слѣдующемъ порядкѣ: на правомъ флангѣ стрѣлковый баталіонъ, по-ротцо въ двѣ линіи. Центръ заняли 1-я и 3-я стрѣлковыя роты 10-го полка, а на лѣвомъ флангѣ поставлена 1-я стрѣлковая 9-го полка, имѣя за собою 3-ю и 4-ю линіи. Первый полубаталіонъ и четыре сотни сначала были назначены въ общій резервъ, но затѣмъ безостановочно были направлены далѣе въ ущелью, прямо на Карнари. По окончаніи перестроенія, майоръ *Ивановъ* далъ сигналъ атаки. Турки встрѣтили ее залпами изъ верхнихъ ложементовъ и бѣглымъ огнемъ изъ первой линіи. Вся масса выпущеннаго свинца пронеслась черезъ головы далеко назадъ. Видя, что стрѣльба не останавливаетъ наступленія стрѣлковыхъ ротъ, турки попытались встрѣтить ихъ штыками и густою массою бросились изъ траншеи впередъ. Въ этотъ моментъ, 1-я стрѣлковая рота 9-го полка съ крикомъ «ура» ринулась обхватить ихъ правый флангъ. Прочія роты подхватили это движеніе и вся линія бросилась на штурмъ неприятельской позиціи. Турки моментально были выбиты изъ укрѣпленій и, неся громадныя потери, бросились бѣжать по южному спуску къ Карнари. Тогда полковникъ Грековъ понесся съ своими 4-мя сотнями, частью за бѣгущими, частью лѣвѣ, чтобы ранѣе спуститься въ долину и отрубать имъ путь отступленія. За казаками побѣжали 3-я и 4-я роты 9-го полка; всѣ же прочія части обходной колонны продолжали преслѣдовать бѣгущихъ. Казаки рвались захватить орудіе, но оно свер-

нужось со скалы въ пропасть, откуда потомъ не было возможности его вытащить.

О результатѣ описанной атаки начальникъ отряда получилъ записку въ исходѣ перваго часа. Въ это время число раненыхъ на перевязочномъ пунктѣ было настолько значительно, что большую часть ихъ пришлось отправить внизъ, къ овчарнѣ. Для этого велѣно было назначить болгаръ. Раненые 2-го баталіона 9-го полка ясно обозначались на снѣгу черными точками. Видя, что число ихъ увеличивается, послана была въ распоряженіе Духновскаго часть санитарной команды. Состоя преимущественно изъ старыхъ сѣдобородыхъ служивыхъ, санитары отлично исполнили свое святое дѣло. Первая помощь раненымъ подавалась подъ свистомъ перелетавшихъ пулъ. Младшій врачъ 9-го полка *Кимбаръ*, только передъ походомъ выпущенный изъ академіи, и дивизионный врачъ *Кунаховичъ* работали безъ устали. Одно время свистъ пулъ надъ перевязочнымъ пунктомъ былъ до того частъ, что пришлось спустить его нѣсколько ниже. Вмѣстѣ съ врачами, съ тѣмъ же безстрашіемъ, подавалъ духовное утѣшеніе страдальцамъ полковой священникъ 9-го полка *Доброхотовъ*, все время раздѣлявшій труды и лишенія солдатъ и служившій имъ примѣромъ безропотной покорности присягѣ и долгу.

Донося объ успѣхѣ атаки, полковникъ *Грековъ* сообщалъ, что въ долину видна свѣжая турецкая колонна, спѣшащая на помощь къ своимъ. Въслѣдствіе этого, 3-му баталіону 9-го полка было приказано идти на поддержку лѣвой колонны, за исключеніемъ 9-й роты, оставленной съ саперною, въ прикрытіе орудій. О томъ, что обходъ шелъ успѣшно, чувствовалось ранѣе полученія донесенія. Съ артиллерійской позиціи простымъ глазомъ было видно, что турки какъ-то особенно суетились. Огонь ихъ то сосредоточивался на флангѣ, то закипалъ гдѣ-то въ тылу ихъ укрѣпленій; то они выбѣгали вправо и открывали пальбу противъ нашихъ орудій, и затѣмъ снова скрывались въ укрѣпленіе! Ихъ пули долетали и до спѣшившагося конвоя генерала, стоявшаго на ближайшемъ къ орудіямъ гребнѣ. По временамъ свистъ пулъ надъ группой ординарцевъ и вѣстовыхъ замѣтно учащался; особенно, когда начальникъ отряда приходилось отдавать нѣсколько приказаній разомъ или когда нѣсколько верховыхъ съ донесеніями подѣзжали одновременно.

Рѣшительность успѣха лѣвой колонны дала возможность, послѣ исцудня, приступить къ серьезному демонстрарованію, а при удачѣ и къ атакѣ съ фронта. Около часа послано было майору Духновскому приказаніе такого содержанія: «Колонна Грекова обошла и выбила турокъ изъ правофланговыхъ укрѣпленій; постарайтесь съ возможно меньшимъ

лотерями овладѣть фронтальнымъ, какъ только замѣтите въ немъ за-
лѣтательство; но не зарывайтесь заранѣе». Последнее, зная рѣшимость
этого достойнаго штабъ-офицера, было добавлено его полковымъ коман-
диромъ съ тою цѣлью, чтобы баталіонъ не увлекся штурмомъ ранѣ,
тѣмъ слѣдуетъ.

Вскорѣ по полученіи этого приказанія, съ позиціи впереди резерва
замѣчено, какъ 2-я стрѣлковая и 5-я роты постепенно, звено за звеномъ,
подавались впередъ, какъ за ними подвигались длинныя линіи другихъ
разомкнувшихся ротъ. Цѣпь дошла до подножія скалы «Орлинаго гнѣз-
да» и остановилась. Турки стрѣляли уже гораздо рѣже, чѣмъ прежде,
но не отступали, хотя шрапнель нашихъ орудій и громила укрѣпленіе.
Командиръ батареи, полковникъ *Потанчинъ*, самъ наводилъ орудіе и
каждая граната разрывалась или надъ брустверомъ, или надъ середи-
ною люнета. Въ половинѣ втораго было приказано участить артилерій-
скій огонь. Командиръ бригады, полковникъ *Золотухинъ*, поѣхалъ на
батарею лично передать это приказаніе генерала и слѣдить за его ис-
полненіемъ. У перваго орудія уже не оставалось снарядовъ. Золотухинъ
захотѣлъ всѣ снаряды 2-го орудія передать 1-му, такъ какъ, со времени
занятія правофланговыхъ укрѣпленій, для 2-го орудія не было предмета
для дѣйствій. Не смотря на убійственное дѣйствіе нашего учащеннаго
артилерійскаго огня, турки продолжали держаться. Тогда приказано бы-
ло посланный на подкрѣпленіе лѣвой колонны 3-й баталіонъ напра-
вить въ тылъ фронтальнаго укрѣпленія на «Орлиномъ гнѣздѣ».

Въ виду депеши начальника штаба арміи о томъ, чтобы не увле-
каться фронтальною атакою и не нести напрасныхъ потерь, и видя
теперь уже вблизи всю невозможность штурма, такъ сказать, въ лобъ,
начальникъ отряда совѣщался съ графомъ Татищевымъ и начальникомъ
штаба, что предпринять, если турки будутъ продолжать держаться?
Въ то же время войсковому старшинѣ *Тарасову* съ сотнею генераль ве-
лѣно направиться по хребту вправо, искать пути, по которому можно
было обойти укрѣпленіе и съ этой стороны. Вдругъ, окружающіе
генерала замѣтили, что разомкнутые резервы 2-го баталіона прибли-
жаются къ цѣпи. Всѣ взоры обратились въ эту сторону. Пальба ту-
рковъ снова усилилась и отдаленный крикъ «ура» долетѣлъ до насъ.

— Неужели Духновскій штурмуетъ? спросилъ генераль, обращаясь
къ графу Татищеву.

— Не беспокойтесь, отвѣчалъ онъ, вѣроятно турки обойдены и дрог-
нули; иначе онъ не нарушилъ бы моего приказанія — не зарываться.

Съ замيرانіемъ сердца смотрѣли мы, какъ лихой баталіонъ посте-
пенно обгнѣпилъ скалу, какъ цѣпь стрѣлковъ и резервы, безъ дистан-

пій и интерваловъ, цѣпляясь за камни, подсаживая другъ друга, лезли на стѣну. Турки моментально прекратили огонь и крики «ура» все громче и громче долетали до насъ. Еще минута и передовые баталіона, а съ ними большая часть офицеровъ, съ храбрымъ Духновскимъ во главѣ, уже были на брустверѣ и знамя 2-го баталіона появилось на высочайшей вершинѣ неприступнаго Траянскаго перевала. Это была торжественная минута! Офицеры бросились поздравлять начальника отряда съ побѣдою, обнимали, цѣловали другъ друга; солдаты и казаки, перемѣшавшись съ болгарами, дѣлали то же, и тысячи шапокъ, при крикахъ: «Ура, Царь Александръ!» летѣли на воздухъ.

Такъ палъ непроходимый Траянъ, и палъ не передъ сильнымъ полчищемъ, а передъ небольшимъ русскимъ отрядомъ, едва двумя сотнями превосходившимъ тѣхъ, кто защищалъ эту твердыню природы. Пророческія предсказанія военныхъ авторитетовъ не сбылись, и казавшееся непреодолимымъ, побѣждено комбинаціею движеній, энергіею и настоячивостію начальниковъ частей отряда и не имѣющими предѣла выносливостію, отвагою и храбростію русскаго солдата.

Но взятіемъ перевала и его укрѣпленій не закончился достопамятный для Траянскаго отряда день 26-го декабря.

Въ то время, какъ отдавались графу Татищеву и подполковнику Сухомлинову приказанія о дальнѣйшемъ преслѣдованіи турокъ, санитары принесли вѣсть, что передъ послѣднимъ движеніемъ къ укрѣпленію убитъ командиръ 5-й роты 9-го полка, штабсъ-капитанъ Швейбуцкій. Въ тотъ моментъ, когда онъ, выбѣжавъ передъ лежавшую цѣпь, крикнулъ своей ротѣ: «вставай, ребята, впередъ», двѣ пули разомъ поразили его: одна — въ ладонь лѣвой руки, а другая — въ грудь, выше сердца. Солдаты его роты потомъ со слезами рассказывали, какъ онъ завертѣлся на мѣстѣ и затѣмъ упалъ, указывая правою рукою на турецкій редутъ (¹). Надо было видѣть турецкія укрѣпленія съ южной стороны, чтобы судить объ ихъ силѣ и о той рѣшимости и храбрости, которая одушевляла атаковавшихъ въ минуты боя. Не удайся обходное движеніе лѣвой колонны, и никакія усилія цѣлаго корпуса не могли одолѣть позиціи съ фронта. Наконецъ, если бы, по какому либо счастливому случаю, «Орлиное гнѣздо» и было взято, то пришлось бы браться на серединѣ южнаго спуска редутъ, построенный тоже на отвѣсн скалѣ, мимо которой вилась единственная тропинка. Ничтожная кучка

(¹) На другой день всѣ убитые погребены возлѣ главнаго укрѣпленія «Орлиное гнѣздо»; тѣло же Швейбуцкаго было отнесено на южный склонъ, къ деревнѣ Теке и тамъ, въ присутствіи товарищей, предано землѣ, подъ стѣною гнѣзнаго дуба.

стрѣлковъ была бы достаточна, чтобы снова остановить отрядъ, потому что спускаться по этой тропѣ можно только по-одиночкѣ.

Подъѣзжая къ мѣсту, гдѣ 23-го числа происходила ночная рекогносцировка стрѣлковаго баталіона, намъ довелось лично убѣдиться въ тѣхъ звѣрствахъ, которыя совершили турки надъ нашими убитыми. Восемь стрѣлковъ лежали на снѣгу обезображенными до невѣроятія. Одинъ былъ безъ головы, у другаго—въ нѣсколькихъ мѣстахъ проткнуты грудь и горло, у третьяго—отрѣзаны носъ и уши, у четвертаго—отрублены ступни, и т. д. Невольное содроганіе овладѣвало при видѣ подобнаго поруганія, и теперь уже никто не могъ сказать, что это издѣваніе сдѣлано баши-бузуками или черкесами, потому что на Траянѣ была исключительно регулярная пѣхота (1).

Изъ укрѣпленія «Орлинаго гнѣзда» отправлено было начальникомъ отряда въ главную квартиру слѣдующее донесеніе:

«Считаю себя счастливымъ донести Вашему Императорскому Высочеству, что непроходимый Траяновъ переваль не только пройденъ, но и взятъ съ боя. Знамя староингерманландцевъ водружено въ главномъ неприятельскомъ редутѣ, на высочайшей вершинѣ Балканъ. Я рѣшился атаковать неприступную позицію, потому что найдена была возможность провести 3 1/2 баталіона и четыре сотни въ обходъ, и занять ложементы въ тылу у Карнари. Казаки посланы преслѣдовать бѣгущихъ. Два баталіона направлены на Теке. Потери еще не приведены въ извѣстность, но, во всякомъ случаѣ, не велики. Какъ особенно отличившихся назову: командира 9-го пѣхотнаго Староингерманландскаго полка, флигель-адъютанта полковника *графа Татищева*, командира Казачьяго № 30-го полка полковника *Грекова*, генеральнаго штаба подполковниковъ *Сосновскаго* и *Сухомлиновъ* и маіора 9-го полка *Духновскаго*».

При отправленіи этой депеши еще не было извѣстно ни о результатѣ встрѣчи Грекова съ шедшимъ по долину турецкимъ подкрѣпленіемъ, ни о происходившемъ въ правой колоннѣ, при преслѣдованіи неприятеля, послѣ взятія «Орлинаго гнѣзда».

Съ черепа Траяновскаго перевала открывался поразительный видъ на южный склонъ. Онъ представлялся въ видѣ терасообразнаго амфитеатра, на днѣ котораго виднѣлась деревня Теке, съ ея черепичными крышами и бѣлымъ минаретомъ. Незамерзшая рѣчка Гюпса сверкала извилистыми изгибами по долину, покрытой множествомъ деревень, дубовыми и ореховыми рощами. Эта картина обрамлялась на югѣ хребтомъ Малыхъ

(1) Черкесская сотня, прикрывавшая обозъ, по словамъ пленныхъ, къ «Орлиному гнѣзду» не поднималась.

Балкановъ, розово-лиловое очертаніе которыхъ, съ гигантской вершины Траяна, казалось пригорками. Едва роты Духновскаго успѣвали спускаться съ одной терасы на другую, какъ массы болгаровъ, мужчинъ и женщинъ, обшаривъ землянки укрѣпленій, стремились внизъ, а внизу еще кипѣла горячая нерестрѣлка.

Выше сказано, что 3-му баталіону послано было приказаніе свернуть въ тылъ главнаго редута. Узнавъ объ этомъ, маіоръ *Ивановъ* направилъ свой первый полубаталіонъ вслѣдъ за казаками въ долину, по дорогѣ, ведущей между подножіемъ южнаго склона и Карнари. Непритель, выбитый изъ укрѣпленій, успѣлъ занять селеніе и соединиться въ немъ съ свѣжимъ таборомъ, пришедшимъ изъ Карлова на помощь защитникамъ Траянскаго перевала. Турки засѣли за окружающіе селеніе сады и илетни и заняли дома. Находившіяся при лѣвой колоннѣ сотни бросились, кто въ улицы, кто въ обхватъ деревни. За ними бѣгомъ шли роты и штыками выбивали непрителя изъ засадъ. Во время этой схватки было взято знамя свѣжаго табора, его командиръ и 40 человекъ анатолійскаго низама. Остальные или легли подъ ударами штыка и пика, или бѣжали къ Малымъ Балканамъ и, не смотря на наступавшія сумерки, были преслѣдуемы казаками и нѣкоторыми увлекшимися партіями пѣхоты. Пріобрѣтенный успѣхъ до того воодушевилъ всѣхъ чиновъ отряда, что никто не вспомнилъ, что войска уже 16 часовъ были или въ бою, или въ движеніи, и сутки никто не имѣлъ пищи.

Нельзя умолчать о слѣдующемъ замѣчательномъ эпизодѣ преслѣдованія. Нѣсколько человекъ 9-го полка, уже въ сумерки, наткнулись въ полѣ на повозки турокъ, нагруженные имуществомъ убѣжавшихъ жителей. При разборкѣ разнаго домашняго хлама, солдаты нашли въ одной изъ повозокъ священническую бѣлую парчевую ризу, болгарскаго покроя, и оторванный кусокъ плащаницы, на которомъ, по пунцовому бархатному бордюру, сохранилась часть надписи. Объ эти находки немедленно были переданы полковому священнику Доброхотову, который потомъ уже постоянно служилъ въ этой ризѣ.

Передъ взятіемъ деревни Карнари, 2-я и 3-я роты 9-го полка, съ нѣсколькими казаками, взяли направленіе на Теке, на перерѣзъ бѣжавшимъ туда туркамъ. На половинѣ дороги, эти роты и двѣ сотни, обскакавшія Карнари, набѣжали на непрительскій военный обозъ, ушедшій подъ прикрытіемъ партіи черкесовъ и человекъ двухсотъ пѣхоты. Черкесы хотѣли было встрѣтить роты атакою, но куда они собирались, казаки налетѣли и моментально смяли ихъ. Командиръ 3-й роты, капитанъ *Шелеповъ*, штыками выбивалъ изъ-за повозокъ при-

крытіе. Черезъ 10 минутъ транспортъ изъ 80 повозокъ, наполненныхъ рисомъ, галетами, фасолью, патронами и палатками, сдѣлался добычею отряда. Уцѣлѣвшіе въ схваткѣ бѣжали къ горамъ. Казалось, все было кончено, какъ вдругъ по лѣвому флангу роты открылся бѣглый огонь. Тамъ, шагахъ въ двухстахъ, оказался высокій курганъ, поросшій густыми кустами и нѣсколькими деревьями. На немъ засѣла партія черкесовъ и десятка два фанатиковъ. Фельдфебель 3-й роты *Александровъ* быстро сожмнулъ лѣво-фланговыл звенья и залпами отвѣчалъ на дерзость толпы, оборонявшейся въ то время, когда все бѣжало. Капитанъ Шеленовъ, собравъ остальные взводы, съ трехъ сторонъ окружилъ курганъ. На его крикъ: «Сдавайся, проси Аманъ!» Турки отвѣтили новымъ залпомъ, отъ котораго палъ Александровъ. Смерть любимаго фельдфебеля была какъ бы сигналомъ для мести: рота, не отвѣчая на выстрѣлы, гаркнула «ура», взлетѣла на курганъ и... все было кончено, все замерло.

3-й баталіонъ, исполняя приказаніе направиться въ тылъ «Орлинаго гнѣзда», пройдя ложементы, подымался изъ ущелья на гребень. Достаточно было его появленія въ тылу, чтобы турки, уже понесшіе громадные потери отъ артилерійскаго огня, начали отступленіе.

По взятіи «Орлинаго гнѣзда», 2-й баталіонъ, оставивъ въ укрѣпленіи сухарные мѣшки, палатки, шанцевый инструментъ, ни минуты не медля, бросился преслѣдовать турокъ. При первомъ спускѣ 2-я стрѣлковая рота нагнала горное орудіе и захватила его.

Южный спускъ, ведущій къ Теке, оказался несравненно труднѣе и круче сѣвернаго подъема ('). На немъ, уже на 2-й верстѣ отъ вершины, не было снѣга. Черезъ торчащія глыбы камней и глубокія ихъ расщелины не было и слѣда какой либо тропинки. Большею частію приходилось не идти, а или прыгать съ камня на камень, или держась за вѣтви и сучья кустовъ, скользить по крутонаклоннымъ плитамъ. На всемъ спускѣ, на протяженіи 5-ти верстъ, не было площадки, на которой можно бы было, не задерживая другихъ, остановиться, перевести духъ. Многіе изъ бѣгущихъ, боясь быть настигнутыми, бросались въ пропасти; которыхъ настигали, тѣхъ стакивали туда, кого штыкомъ, кого прикладомъ. Большею частію пришлось спускаться по карнизамъ ущелій, изъ глубины которыхъ раздавались выстрѣлы, пускаемые вверхъ, на удачу, и потому не наносившіе никакого вреда; но пули безпрестанно щелкали по стволамъ деревьевъ. Особеннаго труда

(') Для сравненія крутизны сѣвернаго подъема съ южнымъ спускомъ, достаточно сказать, что первый имѣетъ отъ Кудль до перевала 12-ть верстъ, а спускъ отъ перевала до Теке 5 верстъ.

стояло казакамъ спустить коней, и надо удивляться осторожности и смысленности нашихъ степныхъ донцовъ. Мѣстами уступы или ступени были болѣе аршина. Чтобы пройти пятиверстное разстояніе отъ Орлиного гнѣзда до долины, при всей поспѣшности преслѣдованія, потребовалось не менѣе 5-ти часовъ времени. Когда роты правой колонны собирались у Теке, было уже совершенно темно. Спускъ на Карнари былъ несравненно легче.

Только къ 8-ми часамъ роты и баталіоны собрали своихъ людей и выставили въ селеніяхъ караулы и охранительные посты; но долго еще по долинѣ и на Маломъ Балканѣ мелькали огоньки и раздавались отдаленные выстрѣлы. Это болгары перестрѣливались съ бѣжавшими въ горы турками.

Въ штабѣ отряда вся ночь на 27-е декабря была проведена въ собраніи свѣдѣній о потеряхъ, о взятыхъ плѣнныхъ и о трофеяхъ; въ составленіи подробнаго донесенія главнокомандующему; въ распоряженіяхъ о принятіи мѣръ къ скорѣйшему освѣщенію мѣстности и для продовольствія отряда.

Потери наши, сверхъ ожиданій, оказались, сравнительно, весьма не велики, а именно: убиты—1 оберъ-офицеръ (штабъ-капитанъ *Швейбуцкій*) и 25 нижнихъ чиновъ; ранено: 2 офицера и 61 нижній чинъ; безъ вѣсти пропало 8, обморозилось 48; всего же выбыло изъ строя 145 человекъ. У непріятели взято въ плѣнъ 64, въ томъ числѣ—1 штабъ и 2 оберъ-офицера. Кромѣ того, отбито знамя, кавалерійскій значокъ, горное орудіе со всѣми принадлежностями и военный обозъ изъ 80 повозокъ.

Послѣ кратковременнаго отдыха, около полуночи, посланы были двѣ сотни 24-го казачьяго полка, при войсковомъ старшинѣ *Тарасовѣ*, на западъ, къ Клисурѣ. Ему было приказано, освѣщая мѣстность съѣзью разѣздовъ, рекогносцировать клисурское ущелье и употребити всѣ средства войти въ связь съ колонною полковника графа Комаровскаго, который долженъ былъ вести 2-ю бригаду 3-й дивизіи отъ Златицы на соединеніе съ траянскимъ отрядомъ (1). Другія двѣ сотни 30-го казачьяго полка, подъ начальствомъ войсковаго старшины *Антонова*, посланы на востокъ, къ Карлову, чтобы войти въ связь, черезъ Калоферъ, съ колонною Скобелева 2-го, спускавшагося отъ Зелена-древа на Иметли. Ночью же отправлено приказаніе 4-му эшелону, перейти переваль и прибыть въ Карнари, а двумъ ро-

(1) Генералъ Дандевиль, по случаю смерти генерала Каталя, вступилъ въ командованіе 3-й гвардейскою пѣхотною дивизіею, а потому 2-ю бригаду 3-й пѣхотной дивизіи временно принялъ полковникъ графъ Комаровскій.

тамъ изъ правой колонны, по назначенію флигель-адъютанта графа Татищева, занять Рахманлы.

Полученныя къ разсвѣту донесенія развѣдочь, съ которыми были посланы надежные казачьи офицеры: *Грузиновъ*, *Галдинъ*, *Кудинцевъ* и *Поильневъ*, указали, что всѣ деревни долины Гюпса, обитаемыя исключительно турками, брошены ими, и что въ этихъ деревняхъ оставлена бѣжавшими жителями масса скота, сѣна, всякаго рода зерна, сушеныхъ фруктовъ, фасоли и другихъ продуктовъ. Это извѣстіе во многомъ развязало намъ руки и набавило отъ тѣхъ хлопотъ и заботъ, которыя предстояли по передачѣ сухарей изъ склада въ Кулибахъ, черезъ переваль.

Но все-таки положеніе отряда въ эту ночь и въ два послѣдующіе дня было не изъ завидныхъ. Показанія плѣнныхъ свидѣтельствовали, что вправо и влѣво отъ Карнари находятся значительныя турецкіе отряды, что клисурское и калоферское ущелья сильно укрѣплены, что по филиппольскому шоссе въ Чукурлу и Каротопрагъ стоятъ по нѣскольکو таборовъ, наконецъ, что, при началѣ нашего наступленія на Траянъ, во всѣ эти мѣста посланы гонцы, съ просьбою о помощи ('). Перейдя переваль, мы очутились безъ артилеріи, безъ запаса патроновъ. Все это, вмѣстѣ съ полною безъизвѣстностію о томъ, что происходитъ подъ Шипкою и далеко ли 2-я бригада, не могло не тревожить. Если же эту ночь, то черезъ день, черезъ два, могло быть сдѣлано нападеніе на отрядъ въ значительныхъ силахъ, а между тѣмъ, у насъ даже не было пути отступленія. Если нужно было шесть часовъ времени, чтобы спуститься, то подняться съ боемъ было немислимо.

Утромъ, 27-го декабря, начальникъ штаба, подполковникъ *Сосновскій*, былъ отправленъ въ Ловчу, куда перешла главная квартира, къ главнокомандующему, съ подробною реляціею объ одержанной побѣдѣ. Донесеніе это составляло описаніе всего вышеизложеннаго, и потому здѣсь, во избѣжаніе повторенія, не приводится. Оно заключено было слѣдующимъ: «Не нахожу выражений для достаточной обрисовки самоотверженія, трудовъ и усилій, которые выказали всѣ чины отряда, при исполненіи возложеннаго на меня порученія. Непроходимѣйшій изъ Балканскихъ переваловъ не остановилъ части вашей арміи, считающей себя счастливою, если ей удалось заслужить одобреніе Августѣйшаго своего Главкомадующаго.

• Флигель-адъютантъ полковникъ *графъ Татищевъ*, бывъ бли-

(') Вслѣдствіи узнано, что эти гонцы изъ черкесовъ, проносясь черезъ Соколь и Карлово, кричали жителямъ, чтобы всѣ турки скорѣе спасались, потому что огромныя русскія силы подступили къ Траянову перевалу и берутъ его.

жайшимъ исполнителемъ моихъ указаній, выказавъ примѣрную распорядительность и не только полное спокойствіе, но и совершенное презрѣніе къ опасности въ бою.

«Командиръ 30-го казачьяго полка, полковникъ *Грековъ*, исполнилъ съ лихостію трудную задачу обхода лѣвой колонны. Онъ былъ одинаковымъ молодцомъ, какъ въ борьбѣ съ природою, такъ и съ непріятелемъ, ясно доказавъ это результатомъ обхода.

«Начальникъ отряднаго штаба, подполковникъ *Сосновскій*, понесшій особые труды, какъ при рекогносцировкѣ, такъ и по подготовкѣ предпріятія, оказалъ особую услугу по разработкѣ пути для перваго эшелона, а во время ночной демонстраціи 23-го декабря, всю ночь находился подъ пулями.

«Генеральнаго штаба подполковникъ *Сухомлиновъ*, въ продолженіе двухъ мѣсяцевъ лично изучавшій Траянскіе перевалы, понесшій немовѣрныя лишенія при обходѣ на Рахманлы и едва не погибшій тамъ, передъ дѣломъ 26-го декабря рекогносцировалъ путь для обходной колонны, что и рѣшило участь боя.

«Командиръ 2-го баталіона 9-го пѣхотнаго Староингерманландскаго полка, майоръ *Духновскій*, на долю котораго выпала опаснѣйшая фронтальная атака «Орлинаго гнѣзда». своими благоразумными распоряженіями по размѣщенію резервовъ цѣли, былъ виновникомъ той умѣренной потери, которая понесена его баталіономъ; при штурмѣ же укрѣпленія, въ числѣ первыхъ былъ на брустверѣ, гдѣ баталіонъ его взялъ орудіе.

«Состоявшіе при мнѣ: старшій адъютантъ штаба дивизіи, капитанъ *Федоровъ*, исправляющій должность старшаго адъютанта 10-го пѣхотнаго Новоингерманландскаго полка, штабсъ-капитанъ *Байковъ*; ординарцы мои, лейбъ-гвардіи Уланскаго Его Величества полка—штабсъ-ротмистръ *Крестовскій*, 9-го пѣхотнаго полка—поручикъ *Эрмротъ*, 11-го пѣхотнаго полка—поручикъ *Яковлевъ* и 24-го казачьяго полка—хорунжій *Марковъ*, все время подъ непріятельскимъ огнемъ передавали мои приказанія».

Для большаго обезпеченія отряда отъ нечаяннаго нападенія, утромъ 27-го декабря, части его заняли слѣдующіе пункты: двѣ роты оставлены въ Рахманлы. Теке занято баталіономъ 10-го полка, майора *Кобрдо 2 го*, которому предписано, отъ данной въ его распоряженіе сотни, посылать возможно чаще разъѣзды къ югу на Слатину. 10-й стрѣлковый баталіонъ поставленъ въ Ашикларъ; три сотни 30-го казачьяго полка заняли Карасарлы и Гайново; всѣ остальные части, т. е. 18 ротъ сосредоточены въ Карнари, гдѣ остался и штабъ отряда.

Затѣмъ, приступлено къ спуску оставленныхъ на перевалѣ орудій и къ устройству черезъ перевалъ сообщенія съ главною квартирою. Саперная рота была послана обратно къ «Орлиному гнѣзду», для разработки важнаго спуска, и съ нею полсотни 24-го казачьяго полка, для выставки постовъ летучей почты, по линіи Траявъ-Ловча. Какъ бы дорога былъ въ настоящую минуту походный телеграфъ, если бы онъ былъ при отрядѣ!

Между тѣмъ, со всѣхъ сторонъ приходили донесенія, что болгары повсюду разбираютъ турецкое имущество, увозятъ зерновой хлѣбъ, угоняютъ скотъ. Все это было для насъ дорого, и потому немедленно были отправлены по деревнямъ казаки, для сгона скота въ Карнари, куда приказано свозить и всякаго рода зерно. Для завѣдыванія образуемымъ складомъ назначенъ 9-го полка майоръ Пальковский и нѣсколько унтеръ-офицеровъ отъ каждой части. Главное затрудненіе къ скорѣйшему образованію склада составлялъ недостатокъ перевозочныхъ средствъ. Волковъ и буйволковъ было сколько угодно, но ни одной повозки, исключая поломанныхъ при захватѣ и затѣмъ паскоро исправленныхъ каруцъ турецкаго транспорта; всѣ другіе жители взяли подъ свое имущество. Не смотря на это, въ однѣ сутки было уже въ Карнари 1,000 головъ рогатаго и 2,000 мелкаго скота и до 150 четвертей пшеницы, ячменя, гороха и проч. Чтобы сберечь сухари на черныи день, запрещено было ихъ расходовать, а приказано раздать въ роты муку, изъ которой солдаты, вмѣсто хлѣба, пекли себѣ лепешки, въ первые дни очень имъ правившіяся. Впрочемъ, въ каждомъ домѣ оказалось такое во всемъ изобиліе, что постояльцу не надо было выходить за ворота своего двора, чтобы быть вполне сыту. Въ кладовыхъ находили цѣлыя закромы или бочки: рису, фасоли, грецкихъ орѣховъ, масла, меду; на дворахъ стояли скирды сѣна и соломы и по нимъ разгуливала всякаго рода домашняя птица. Видя что все это, съ уходомъ отряда, подвергнется расхищенію болгаръ, чрезъ что армія, идущая безъ обозовъ и отрѣзанная Балканами отъ своихъ транспортовъ, лишится возможности продовольствоваться мѣстными средствами. Начальникъ отряда тогда же писалъ начальнику штаба арміи: «Въ занимаемой ввѣренномъ мнѣ отрядомъ мѣстности, отъ Рахмапы до Карнова, во всѣхъ покинутыхъ турками деревняхъ, особенно по сѣверному слону Малыхъ Балкановъ, находится масса брошеннаго скота, сѣна и всякаго рода зерна и продуктовъ. Необходимо безотлагательно принять мѣры къ спасенію этого отъ расхищенія болгаръ».

Къ вечеру 27-го числа пришли съ перевала вьюки перваго транспорта, посланнаго изъ Кулибинскаго склада, съ сухарями и патро-

нами. Съ ними же командиръ поднявшейся къ орудіямъ саперной роты доносилъ, что начинающаяся на подъемѣ мятель заноситъ орудія, что спустить ихъ одной ротѣ невозможно, и потому проситъ наряда въ гору рабочихъ. Находясь въ Карнари, трудно было вѣрить о появленіи вьюги, потому что въ это время внизу была полная тишина и ярко свѣтло заходящее солнце. Посланный на переваль ординарецъ, возвратившійся уже ночью, доложилъ, что положеніе артиллеристовъ и роты прикрытія становится критическимъ, такъ какъ мятель прекращаетъ всякое сообщеніе и съ отрядомъ и съ его тыломъ.

28-го декабря прошло не радостнѣе своего кануна. Ни о томъ, что произошло или происходитъ подъ Шипкою, ни о томъ гдѣ находится 2-я бригада, съ графомъ Комаровскимъ, отъ посланныхъ въ дальнія развѣдки Тарасова и Антонова свѣдѣній еще получено не было. Послѣдній доносилъ только, что Сопоть и Карлово не заняты непріателемъ, и что онъ одну сотню оставилъ въ Карловѣ, для наблюденія Филиппольскаго шоссе, а съ другою пошелъ къ Калоферу.

Подходя съ полсотнею къ Карлову, есаулъ *Шаровъ* замѣтилъ, что послѣ поспѣшнаго передъ нимъ отступленія турецкаго развѣзда во дворъ одного дома внеслись назадъ шесть кавалеристовъ. Шаровъ приказалъ окружить домъ. Турки начали защищаться и были перебиты, а въ домѣ найдено большое бѣлое, съ красною луною и звѣздою, кавалерійское знамя, вѣроятно, въ страхъ и суетѣ забытое въ квартирѣ начальника. Доставившій его въ Карнари офицеръ могъ только передать, что къ сторонѣ Шипки слышна сильная канонада.

По полученіи извѣстія о занятіи Карлова, туда немедленно были направлены остальные три сотни 30-го казачьяго полка. Въ то же время, для поддержанія посланнаго на западъ съ двумя сотнями старшины *Тарасова* и для большаго обезпеченія отряда съ этой стороны, майору 10-го полка *Кобордо* приказано: оставивъ въ Теке и Рахманлы по ротѣ, съ остальными пятью ротами выступить къ клисурскому дефилю и, не входя въ него, занять передъ нимъ позицію, которая задержала бы дебушированіе непріателя въ долину.

Между тѣмъ, работа по спуску орудій, къ которымъ послано было 300 рабочихъ, шла невыносимо медленно. На каждомъ шагѣ, или уступы и зубцы скалы, или громадныя деревья не пропускали осей. То приходилось влечь сани и спускать по наложеннымъ доскамъ, то срубать вѣковой дубъ, то разбивать камень. Все это, вмѣстѣ съ продолжавшеюся и 28-го числа мятелью, дозволило, и то при неимоверныхъ усиліяхъ, спустить орудія только за линію турецкихъ укрѣпленій. Во весь день не было никакого сообщенія черезъ переваль, не пришло

ни одного вьюка и даже самые отважные горцы не рѣшались пуститься въ горы съ захваченною добычею.

Въ ночь на 29-е декабря получено было первое извѣстіе отъ войсковаго старшины *Тарасова*. Онъ доносилъ, что открылъ близъ *Клисуры* неприятельскую пѣхоту, за которою наблюдаетъ и что, на сколько можно судить издали, ущелье сильно укрѣплено; наконецъ, что по собраннымъ имъ свѣдѣніямъ, оно занято четырьмя таборами.

Наступившее 30-го декабря, послѣ двухъ тревожныхъ дней, показалось праздникомъ, такъ благопріятны были полученныя въ продолженіе этого дня свѣдѣнія. Во-первыхъ, мятежь на перевалѣ прекратилась и къ полудню прибылъ второй транспортъ изъ *Кулибинскаго* сада, а изъ *Монастыря* присланы отцомъ архимандритомъ *Макариемъ* 50 вьюковъ съ печенымъ хлѣбомъ. Во-вторыхъ, съ обонхъ фланговъ доносили: *Антоновъ*, что *Калоферское* ущелье очищено и что онъ, пройдя его, послалъ сильный развѣздъ къ *Иметли*, дабы скорѣе войти въ связь съ колонною *Скобелева* 2-го, но что о *Шипкѣ* еще ничего неизвѣстно, хотя все утро 28-го слышали сильную пальбу (1). *Тарасовъ* писалъ, что въ ночь на 29-е турки совершенно неожиданно очистили *Клисурское* дефиле и отступили къ югу, на *Капрившицу*, послѣ чего онъ двинулся впередъ и его развѣзды вскорѣ встрѣтились съ казаками колонны графа *Комаровскаго*. Оба эти донесенія вполне обезмечивали положеніе отряда и, такъ сказать, развязали намъ руки.

Благопріятная погода на *Траянѣ* дала возможность отправить въ главную квартиру взятыя знамена, орудіе и плѣнныхъ. Передъ отправленіемъ послѣднихъ, съ нихъ сняты были болѣе подробные допросы, изъ которыхъ узвано, что мы имѣли противъ себя на перевалѣ четыре табора *анатолийскаго* низама и около 100 человекъ *султанской* гвардіи, и что на помощь этому отряду пришло отъ *Карлова* два табора *мустахфизовъ*, между которыми большая часть была *аравійцы*; что до 22-го декабря на *Траянѣ* было всего двѣ роты, а всѣ остальные таборы были присланы форсированнымъ маршемъ отъ *Шипки* и приходили на перевалъ: два табора 23-го и другіе два 25-го декабря; наконецъ, что всѣми ими командовалъ полковникъ *Раффикъ-бей*.

Къ полудню солнце въ долинѣ грѣло до того сильно, что всѣ ходили въ однихъ мундирахъ, а спускавшіе орудія работали въ рубашкахъ, и такъ успѣшно, что можно было надѣяться на окончательный спускъ и присоединеніе ихъ къ завтрашнему утру. Около полудня горное эхо донесло до *Карнари* три равномерные пушечные выстрѣла, со

(1) Донесеніе это послано изъ *Калоевѣра* 29-го декабря, въ 6 часовъ утра; получено въ *Карнари* 30-го декабря въ 8 часовъ утра.

стороны Клисурь. Это были сигнальные выстрѣлы колонны Комаровскаго, что немедленно подтвердилось полученнымъ донесеніемъ, а вслѣдъ затѣмъ и личнымъ прибытіемъ графа. Онъ доложилъ, что отрядъ его, послѣ форсированнаго четырехдневнаго марша, остановился въ Клисурѣ и что съ нимъ идутъ только три баталіона 2-й бригады и шесть ротъ его 10-го полка, а остальные три баталіона съ двумя сотнями казачьяго № 20-го полка, подъ начальствомъ командующаго 11-мъ пѣхотнымъ Псковскимъ полкомъ, подполковника Кобордо 1-го, направлены имъ къ Капрившицѣ, для преслѣдованія отступившихъ отъ Клисурь турокъ. Отступление это было совершенно неожиданностію и, по словамъ графа Комаровскаго, — явленіемъ совершенно необъяснимымъ, потому что взять клисурское ущелье было бы невозможно. На протяженіи семи верстъ, оно идетъ коридоромъ, между отвѣсными скалами. Оказалось, что отступление это было послѣдствіемъ взятія Траянскаго перевала и направленія пяти ротъ изъ Теке, въ тылъ клисурскому дефиле. Наступленіе 2-й бригады съ фронта и появленіе маіора Кобордо въ тылу только и могли заставить неприятеля очистить укрѣпленное ущелье.

Хотя еще въ бытность въ Ловчѣ были извѣстны потери и лишенія, понесенныя полками 2-й бригады въ теченіе двухмѣсячнаго стоянія у Арабъ-Конака и Шапдорника, но нельзя было ожидать, чтобы убыль въ 11-мъ Псковскомъ и 12-мъ Великолуцкомъ полкахъ могла дойти до той, которая оказалась. Въ сущности, вмѣсто бригады, графъ Комаровскій привелъ два баталіона, потому что въ Псковскомъ полку было всего 900, а въ Великолуцкомъ 1,200 штыковъ. Все остальное, т. е. около 4,000 изъ шести, потеряно частію въ бояхъ, преимущественно же отъ обмороженій и болѣзней⁽¹⁾. Принадлежащая къ бригадѣ артилерія съ нею не пришла. Всѣ три ея батареи (2-я, 4-я и 6-я) оставлены въ общемъ артилерійскомъ резервѣ, у Орханіэ. Вмѣсто этой артилеріи къ отряду прибыли: два орудія конной № 16-го батареи, два орудія казачей № 19-го батареи и батарея 31-й артилерійской бригады. Такимъ образомъ, вмѣсто ожидаемыхъ 24-хъ пришло всего 8 легкихъ орудій. Всѣ они, кромѣ собственнаго взвода 3-й бригады, не имѣли съ собою ящиковъ, такъ что снаряды несла пѣхота, а у батареи 31-й бригады они везлись на воловьихъ каруцахъ. Впослѣдствіи, начальникъ артилеріи сильно негодовалъ на подобный сборный составъ артилеріи и на то, что соединившаяся за Балканами 3-я дивизія очутилась безъ принад-

(1) Впослѣдствіи, когда дивизія остановилась на берегахъ Мраморнаго моря, сначала у Шаркюя, а потомъ въ Малгаръ и Родосто, большыя и отсталыя присоединились къ полкамъ въ столь значительномъ числѣ, что 2-я бригада почти укомплектовалась.

лежащихъ ей батарей; но въ этомъ нисколько не виноватъ командиръ 3-й артилерійской бригады, не имѣвшій права касаться распоряженій, дѣланныхъ въ западномъ отрядѣ (').

Наконецъ, возвратившійся 30-го декабря, около полудня, изъ главной квартиры подполковникъ *Сосновскій* привезъ извѣстіе о пораженіи и плѣненіи шипкинской арміи. Узнавъ объ этомъ событіи, не ожидая ни присоединенія 2-й бригады, ни окончательнаго спуска орудій, 9-й пѣхотный Староингерманландскій полкъ немедленно былъ отправленъ въ Карлово; 10-му стрѣлковому баталіону приказано перейти въ Авджилляръ, а весь 10-й пѣхотный Новоингерманландскій полкъ сосредоточенъ въ Карасармы. Послѣ полудня спустились, наконецъ, съ перевала два орудія, участники траянскаго боя, и тотчасъ же были направлены за 9-мъ полкомъ въ Карлово. Затѣмъ, вновь прибывшія чужія орудія были распределены по частямъ отряда такимъ образомъ: взводъ конной № 16-го батареи приданъ 10-му стрѣлковому баталіону, батарея 31-й артилерійской бригады—къ 10-му Новоингерманландскому и взводъ казачьей № 19-го батареи—къ казачьему № 30-го полкамъ. Послѣднему приказано перейти изъ Карлова въ Чукурлу, пустивъ сильныя разъѣзды къ Филиппополю.

Подполковникъ *Сосновскій* не получилъ въ главной квартирѣ никакихъ положительныхъ указаній о дальнѣйшемъ направленіи отряда. Ему было только сказано, что по всей вѣроятности намъ дано будетъ приказаніе идти на Чирпанъ, и что къ отряду придается Казанскій драгунскій полкъ. Въ просьбѣ же *Сосновскаго* дать отряду одинъ изъ гренадерскихъ полковъ, проходившихъ въ то время Ловчу, или хотя одинъ изъ стрѣлковыхъ баталіоновъ, перешедшихъ Балканы у Зеленадрева,—было отказано.

Когда части 2-й бригады шли на соединеніе съ траянскимъ отрядомъ, баталіоны, направленные графомъ *Комаровскимъ* на Капрившицу, вѣли тамъ перестрѣлку съ арьергардомъ отступавшихъ на югъ турокъ, причемъ послѣдніе потеряли много убитыхъ и 26 взятыми въ плѣнъ. Какъ этимъ баталіонамъ, такъ и остановившимся въ Клисурѣ, въ виду усиленныхъ переходовъ и понесенныхъ двухмѣсячныхъ трудовъ и лишеній, по усиленной просьбѣ графа *Комаровскаго* дана была 30-го числа дневка.

Между тѣмъ, свозъ въ Карнари зерноваго хлѣба и пригонъ турецкаго скота достигъ такихъ размѣровъ, что на долгое время могъ бы обезпечить довольствіе не одной, а нѣсколькихъ дивизій. Двѣ тысячи

(') Три батареи отдѣлялись отъ дивизіи еще въ октябрѣ, по распоряженію штаба арміи, и находились въ отрядѣ генерала *Гурко*.

крупнаго и до 3,000 мелкаго скота стояли въ загонахъ. Нужно было распорядиться его кормомъ и уходомъ за нимъ. Хотя сѣна и всего было въволю, но сколько нужно было отдѣлать изъ строя народа, чтобы раздать кормъ такой массѣ, напоить и разсорттировать по загонамъ и проч. Чтобы упростить все это, сдѣланы были слѣдующія распоряженія:

1) Въ каждый баталіонъ приказано выдѣлать по 100 воловъ, въ счетъ порціоннаго скота, и сдать на попеченіе баталіонныхъ командировъ.

2) Каждому полку дать по 25 паръ лучшихъ воловъ для запряжки въ каруцы, подъ свозъ больныхъ и сухарей.

3) Мелкій скотъ раздать пришедшимъ изъ-за Балкановъ нуждающимся болгарамъ, а излишній крупный продать имъ, по самой умѣренной цѣнѣ, и вырученныя деньги передать генеральнаго штаба подполковнику Сухомлинову, на котораго штабомъ арміи было возложено удовлетвореніе жалованьемъ правильно сформированныхъ болгарскихъ четъ.

4) Сто штукъ воловъ отправить обратно за Балканы въ Ловчу, для раздачи въ подвижной дивизионный лазаретъ и въ оставшіяся при обозахъ команды полковъ 1-й бригады.

5) Принимая во вниманіе изобиліе предметовъ продовольствія и обезпеченіе ими отряда, немедленно приказано прекратить подвозъ сухарей черезъ перевалъ изъ склада въ Кулибахъ и изъ Ловчи къ Траяну, о чемъ сообщено завѣдывающему складомъ, а также интенданту и подполковнику Чигирину.

Независимо отъ этого, зная, что въ обоихъ этихъ пунктахъ остается значительное количество заготовленнаго продовольствія, что въ Ловчи въ распоряженіи интенданта находится еще много закупленнаго и неизрасходованнаго зерна и что къ Траяну прибылъ казенный транспортъ съ людскими и конскими консервами, одновременно съ вышеизложенными распоряженіями было предписано: все оставшееся въ Кулибахъ и Траянѣ возвратитъ въ Ловчу, а при недостаткѣ перевозочныхъ средствъ, передать на храненіе въ Успенскій монастырь и сдать его настоятелю. Интенданту подполковнику Исакову — всѣ имѣющіеся въ его вѣдѣніи припасы и принадлежности ихъ храненія, вѣсы, мѣры и хлѣбопекарни — сдать въ ловченскій интендантскій складъ, а самому немедленно прибыть къ отряду. Въ отвѣтъ на это, черезъ нѣсколько дней полученъ рапортъ подполковника Исакова о болѣзни, и съ тѣхъ поръ ни траянскій отрядъ, ни 3-я пѣхотная дивизія уже не имѣли интенданта.

31-го декабря прибылъ въ Карнари 1-й эшелонъ 2-й бригады, состоявшій изъ двухъ баталіоновъ 12-го пѣхотнаго Великолуцкаго полка. Они были осмотрѣны начальникомъ отряда при вступленіи. Это были достойные, по непреодолимому мужеству и выносливости, остатки славнаго полка. Въ нѣкоторыхъ ротахъ было на лицо 50—60 человекъ. Всѣ они были одѣты въ болгарскихъ опанкахъ или въ лаптяхъ, въ прожженныхъ и изорвавшихся по лѣснымъ дебрямъ и скалистымъ ущельямъ шинеляхъ. Закопѣлые, обросшіе бородами, это были испытанные воины, закаленные между огнями костровъ и 20-ти-градуснымъ морозомъ. Не видавъ бригады 2½ мѣсяца, генералъ именемъ Главнокомандующаго поблагодарилъ великолуццевъ за славную ихъ службу, и какъ ему ни хотѣлось увидѣть и другіе эшелоны, вступленіе которыхъ должно было произойти на слѣдующее утро, но исполнить это желаніе было невозможно. Въ виду распространившейся между турками паники, заставившей ихъ очищать безъ боя такія позиціи, какъ Калодеръ и Клисурса, необходимо было воспользоваться ею. Поэтому, рѣшено было на слѣдующее утро выступить всѣмъ оставшимся еще въ Карнари частямъ отряда въ Карлово, не дожидаясь прибытія прочихъ баталіоновъ 2-й бригады.

Необходимо замѣтить, что со дня назначенія генерала Дандевила командующимъ 3-ю гвардейскую пѣхотную дивизію, 2-я бригада оставалась не только безъ бригаднаго, но и безъ обоихъ полковыхъ командировъ. Командиръ 11-го Псковскаго полка, полковникъ Зубатовъ, вслѣдствіе паденія съ лошади, остался съ вывихнутымъ плечомъ въ Этрополѣ; командиръ 12-го Великолуцкаго полка, полковникъ Рыдзевскій, уже два мѣсяца рапортовался больнымъ, затѣмъ былъ отчисленъ и вмѣсто его никто еще не былъ назначенъ. Приведшіи бригаду полковникъ графъ Комаровскій долженъ былъ принять свой соединившійся 10-й Новоингерманландскій полкъ, и поэтому старшимъ во 2-й бригадѣ оставался командовавшій Псковскимъ полкомъ подполковникъ Коборю 1-й, которому и поручена бригада, временно оставленная для устройства въ Карнари.

Въ тотъ же день, часу въ 3-мъ, начальнику отряда доложили о прибытіи турецкаго парламентаря. Онъ явился на наши аванпосты у Чурлау, откуда доставленъ къ графу Татищеву въ Карлово, который прислалъ его съ сотникомъ Поздѣвымъ, донося, что парламентаръ посланъ филиппольскимъ комендантомъ къ Главнокомандующему. На вопросъ начальника отряда о цѣли его прибытія, парламентаръ, одѣтый въ мундиръ турецкаго штабъ-офицера, отвѣчалъ, что онъ военный врачъ, посланный, какъ знающій языки, филиппольскимъ комендантомъ,

съ открытымъ письмомъ къ Великому Князю, и подалъ незапечатаный конвертъ. Письмо это, написанное по французски, тутъ же прочтенное генераломъ, содержало въ себѣ извѣщеніе будто бы о заключенномъ, 27-го декабря, между Россійскою Имперіею и Портою перемирія и просьбу, чтобы было остановлено дальнѣйшее наступленіе русскихъ войскъ. Не видя изъ письма, чтобы комендантъ Филиппополя былъ уполномоченъ входить въ прямыя сношенія съ Главнокомандующимъ, и зная, что извѣщенія о перемирія могутъ быть принимаемы только отъ своего начальства, а никакъ не отъ непріятеля, начальникъ отряда высказалъ г. *Моизу* (такъ называлъ себя парламентаръ) сомнѣніе о томъ, чтобы онъ получилъ какой либо отвѣтъ и что едва ли даже онъ будетъ принять Великимъ Княземъ. На выраженное удивленіе, почему такъ думаютъ, пришлось указать, что комендантъ упустилъ изъ вида, что братъ Русскаго Императора не будетъ входить въ сношеніе съ кѣмъ бы то ни было, кто не уполномоченъ на это султаномъ, что если бы перемиріе было дѣйствительно заключено, то не въ Константинополѣ, а въ главной квартирѣ русской арміи, откуда мы имѣли бы свѣдѣніе раньше его прибытія, наконецъ, что, въ случаѣ, если бы перемиріе дѣйствительно состоялось, то нечего было бы и просить о приостановкѣ нашихъ движеній, потому что самый фактъ указалъ бы на это. Эти доводы заставили парламентаря высказаться, что онъ и самъ не вполне сознаетъ истину привезеннаго имъ извѣстія, потому что предъ его отправленіемъ комендантъ безпрестанно получалъ изъ Константинополя противорѣчащія извѣстія. Сначала ему сообщали, что перемиріе заключено, потомъ что нѣтъ, и черезъ часъ опять, что перемиріе дѣйствительно состоялось.

Не считая себя вправѣ задержать посланнаго съ письмомъ къ Великому Князю, начальникъ отряда приказалъ приготовить свѣжій конвой, въ ожиданіи котораго предложилъ г. Моизу подкрѣпить себя скромнымъ обѣдомъ и велѣлъ накормить его спутниковъ. Такъ какъ въ то время не было извѣстно, гдѣ именно находится Главнокомандующій, перешелъ ли онъ Шипку, вслѣдъ за арміею, или остановился въ Тырновъ, то парламентарю было предложено ѣхать черезъ Траянскій переваль въ Сельви, гдѣ навѣрное можно было узнать о мѣстопребываніи Его Высочества. Это предложеніе до того испугало г. Моиза, что онъ какъ милости просилъ отправить его черезъ Карлово и Казанлыкъ. Вотъ доказательство, какимъ непреодолимымъ препятствіемъ считали турки Траяновъ переваль, даже для нѣсколькихъ всадниковъ. Во время обѣда Моизъ рассказывалъ, какой переполохъ произвело въ Филипполѣ извѣстіе о переходѣ нашемъ черезъ Траянъ. Долго никто не хотѣлъ

этому вѣрить; но когда *Раффикъ-бей*, 27-го декабря, прискакалъ прямо къ губернатору и разсказалъ о своемъ пораженіи, то немедленно было приказано укладывать архивы, всѣмъ служащимъ готовиться къ выѣзду, а отрядамъ, расположеннымъ по Филиппольскому шоссе, отступать скорѣе за Марицу. Турки считали нашъ отрядъ гораздо сильнѣе, чѣмъ онъ былъ въ дѣйствительности, чѣмъ и оправдывалъ Раффикъ-бей свое пораженіе.

Оставляя Карнари, надо было многимъ и многимъ распорядиться, и потому пришлось проработать всю ночь. Назначенному временно командующимъ 2-ю бригадою было предписано:

1) По прибытіи обоихъ полковъ, сформировать изъ каждаго по сводному баталіону, составивъ ихъ изъ людей, наиболѣе сохранившихъ силы.

2) Немедленно, на сколько только возможно, исправить обувь и одежду этихъ людей.

3) Ротныхъ командировъ и баталіонныхъ адъютантовъ назначить изъ первыхъ баталіоновъ, и баталіоны вѣрить: Псковскаго полка—майору Федотову, а Великолуцкаго—майору Молчанскому и первому за-вѣдывать обоими баталіонами на правахъ полковаго командира.

4) По неизмѣнію при бригадѣ обоза, сформировать для сводныхъ баталіоновъ, изъ исправленныхъ турецкихъ каруцъ, воловій обозъ, при-мерно по четыре подводы на роту.

5) Всѣхъ чиновъ, назначенныхъ въ сводные баталіоны, изъ прежнихъ ротъ не исключать, а считать во временной командирскѣ.

6) Такъ какъ состояніе силъ и снаряженія людей обоихъ полковъ требуетъ значительнаго улучшенія, то, пользуясь собранными запасами, отпускать каждому по 2 фунта мяса и 3 фунта свѣжаго хлѣба и приложить все стараніе обути всѣхъ людей, хотя въ опанки, изъ шкуръ ворціоннаго скота.

Сводные баталіоны должны были составить резервъ отряда и быть готовыми къ выступленію по первому приказанію.

На подполковника *Кобордо* было возложено и устройство тыла отряда, съ подчиненіемъ ему всѣхъ чиновъ дивизіи, оставленныхъ въ Кулибахъ и Ловчѣ. Ему же поручено образованіе продовольственныхъ складовъ и ихъ охрана. Въ этомъ отношеніи онъ долженъ былъ руководствоваться слѣдующимъ: а) собираемое зерно обращать, на оказавшихся въ долинѣ мельницахъ, въ муку и, устроивъ пекарни, заготовлять сухарный запасъ. б) По полученіи увѣдомленія о выступленіи отряда къ югу, перейти съ остатками бригады въ Карлово, гдѣ и устроить главный складъ запасовъ, въ который перевести все достав-

ленное въ Карнари съ перевала и собранное изъ турецкихъ деревень. в) По выступленіи изъ Ловчи оставленныхъ тамъ командъ и обозовъ, снять почтовые казачьи посты съ линіи Ловча—Траянъ—Карнари и, вза-мѣнъ этого, 6-ю сотню 24-го полка перевести для той же цѣли на линію Карлово—Калоферъ—Казанлыкъ. г) Принять мѣры къ скорѣй-шему присоединенію къ полкамъ оставленныхъ въ Этрополѣ обозовъ и съ ихъ прибытіемъ открыть въ частяхъ полковые лазареты.

Въ ту же ночь, на новый годъ, начальникъ отряда послалъ при-казанія въ Ловчу: подполковнику Чигирину, съ обозами и оставшимися командами выступить 6-го января въ Сельви и слѣдовать на присоеди-неніе къ отряду, черезъ Шипку; главному врачу подвижнаго лазарета направиться 7-го января по тому же пути, сдавъ больныхъ въ Плевно, или по дорогѣ въ Тырновѣ; командирамъ 1-й, 3-й и 5-й батарей вы-ступить, по недостатку лошадей, въ 6-ти орудійномъ составѣ, 3-го января, къ Габрову и, перейдя Балканы у Шипки, присоединиться къ отряду (1).

Рано утромъ 1-го января собрались къ генералу командиры частей, для полученія приказаній: выступающіе—о дальнѣйшемъ движеніи и цѣ-ляхъ отряда, остающіеся — о приведеніи въ исполненіе сдѣланныхъ распоряженій. Вмѣстѣ съ восходомъ солнца, поздравивъ другъ друга съ новымъ годомъ, мы сѣли на коней и тронулись по долинѣ, къ востоку. День былъ вполнѣ благопріятный. Легкій 3-хъ градусный морозъ уни-чтожилъ слѣды денной оттепели; войска шли бодро, весело, припѣваю-чи. Съ штабомъ отряда шла только конвойная сотня и саперная ро-та, такъ какъ 9-й полкъ былъ уже въ Карловѣ, а другія части направлены съ мѣстъ ночлеговъ прямо: 10-й стрѣлковый баталіонъ въ Ладжикіюй, а 10-й Новоингерманландскій полкъ—въ Войня-гово.

Пройдя совершенно выжженный, полгода назадъ когда-то цвѣтущій городокъ Сопотъ, около полудня мы вступили въ Карлово. Наст-встрѣтила депутація съ духовенствомъ во главѣ. Благодаря энергіи и распорядительности графа Татищева, въ Карловѣ найденъ полный по-рядокъ. Военная полиція была уже на мѣстахъ; во всѣмъ складамъ и оставленнымъ турками запасамъ приставлены часовые; городской совѣтъ изъ выбранныхъ жителями членовъ, открылъ дѣйствія. Не смотря на это, предстояло сдѣлать и устроить еще многое. Надо было всѣ най

(1) Въ предполагаемой къ напечатанію статьѣ о дѣйствіяхъ 3-й пѣхотной дивизіи будетъ сказано о томъ, что выдержали и испытали ея обозы, подвижной лазаретъ и батареи, ожидавъ очереди, чтобы пройти Балканы черезъ шипкинскій перевалъ.

денные запасы сосчитать или вымѣрить, распределить между частями, назначить офицеровъ завѣдывать складами, организовать подвозъ броневого по деревнямъ. Последнее было труднѣе всего. Бѣжавшее туземное населеніе, побросавъ свой скотъ, захватило съ собою всѣхъ не только своихъ, но и болгарскихъ лошадей, такъ что достать подъ вьюки не только лошадей, но и осленка стоило большихъ хлопотъ.

Среди распоряженій о всеѣмъ этомъ, составлена была диспозиція о дальнѣйшемъ движеніи на 2-е января. По ней было назначено: 2-му баталіону 9-го полка, съ двумя орудіями, занять Чукурлу, а двумя другимъ его баталіонамъ перейти изъ Карлова въ Ладжикію, на мѣсто 10-го стрѣльбоваго баталіона, который долженъ былъ занять Дольну-Махагу, а 10-й Новоингерманландскій полкъ перейти изъ Войнягова въ Иметли (на юго-западъ отъ Чукурлу). Кавалерійскія части отряда, именно: 30-й казачій полкъ съ двумя орудіями 19-й казачей батареи, — направлень по филипопольскому шоссе до Каратопрака, а три сотни 24-го полка — на Карамустафаларъ, съ приказаніемъ послать сильныя развѣзды, — первому по направленію на Чирпанъ, а второму на Дурутлу и Черногорово. Всѣ эти распоряженія были сдѣланы до полученія какихъ либо указаній изъ главной квартиры. Приказанія начали приходить, какъ будетъ сказано ниже, только со 2-го января.

Проводивъ 9-й полкъ до Ладжикію, утромъ 2-го января, начальникъ отряда возвратился въ Карлово, дабы дожидаться прихода драгунъ и съ нетерпѣніемъ ожидаемаго возвращенія изъ главной квартиры подполковника Сухомлинова, посланнаго туда съ парламентаріемъ. Гдѣ находилась въ этотъ день главная квартира, намъ положительно извѣстно еще не было и только по болгарскимъ слухамъ ее предполагали въ Казанлыкѣ.

Драгуны вступили въ Карлово около полудня и имъ тутъ же объявлено, что на слѣдующій день они должны опередить пѣхоту и занять Чуперликію, т. е. сдѣлать переходъ въ 50 верстъ. Понятно, что это было весьма не легко для полка, болѣе недѣли шедшаго безъ дневъ и только накануне перевалившаго черезъ Траяновъ проходъ, но, въ виду важности скорѣйшаго занятія Филипополя и желанія войти въ связь съ войсками генерала Гурко, это было необходимо.

Вскорѣ послѣ полудня 2-го января прибылъ въ Карлово генералъ-лейтенантъ *Скобелевъ 1-й*, съ предписаніемъ Главнокомандующаго о томъ, что онъ назначается начальникомъ кавалеріи Траянскаго отряда и что, по соединеніи съ генералъ-адъютантомъ Гурко, ему же подчинится вся его кавалерія. Изъ этого слѣдовало, что съ момента этого

соединенія, всѣ кавалерійскія части Траянскаго отряда должны были отойти отъ него.

Вечеромъ же, 2-го января, для генераль-лейтенанта Скобелева 1-го былъ сформированъ летучій отрядъ, въ составъ котораго назначены: Казанскій драгунскій и 30-й Казачій полки съ обоими конно-артиллерійскими взводами, о чемъ немедленно сообщено начальникамъ колоннъ, полковникамъ *графу Комаровскому* и *Буродину*. Затѣмъ, при пѣхотѣ остались всего три сотни 24-го Казачьяго полка: одна—въ видѣ конвоя при штабѣ отряда, другая—при стрѣлковомъ баталіонѣ, а третья—при 10-мъ Новоингерманландскомъ полку (').

Предписаніе, о которомъ упомянуто выше, по своимъ послѣдствіямъ имѣло особое значеніе и потому приводится въ подлинникѣ.

«Генераль-лейтенанту Карцову.

«Великій Князь Главнокомандующій приказать изволилъ: принять общее начальство надъ кавалеріею ввѣреннаго вамъ отряда состоящему при Его Высочествѣ генераль-лейтенанту Скобелеву 1-му.

«Для сего ваше превосходительство изволиете назначить въ распоряженіе Скобелева Казанскій драгунскій, 30 и 24 казачьи полки, оставивъ изъ послѣднихъ столько, сколько необходимо для службы при дивизіи.

«Если съ отрядомъ графа Комаровскаго слѣдуетъ Донская бригада Курнакова, то ваше превосходительство имѣете направить ее черезъ Калоферъ на Казанлыкъ, для присоединенія къ 8-му армейскому корпусу, при которомъ уже имѣются, почти съ самаго начала кампаніи, пять сотенъ этой бригады.

«Генераль-лейтенанту Скобелеву приказано двинуться по долигѣ Гюпса къ сторонѣ Филиппополя, держа постоянно связь какъ съ отрядомъ Гурко, такъ и съ 1-ю кавалерійскою дивизіею, которая предшествуетъ наступленію отряда генерала Радецкаго.

«Когда генераль Гурко пройдетъ горный вряжъ Ихтиманскій, то вышлетъ всю свою кавалерію впередъ и тогда вся она поступитъ подъ начальство генераль-лейтенанта Скобелева 1-го.

«Ваше превосходительство, предшествуемые кавалеріею Скобелева, должны также взять направленіе на Филиппополь, чтобы угрожать пути отступленія турокъ, дѣйствующихъ противъ генерала Гурко. Въ этомъ отношеніи вы должны соображать свои движенія и дѣйствія съ отрядомъ генерала Гурко.

«Если бы, подходя къ Филиппополю, вы узнали, что турки уже прошли этотъ городъ и отрѣзать имъ отступленія не можете, то вы должны двинуться на Чирпанъ и вообще составлять промежуточный отрядъ между

(') Остальныя три сотни 24-го полка находились: одна задержанною въ заднемъ отрядѣ съ ноября мѣсяца, другая на почтовыхъ постахъ по линіи Карварь-Траянъ-Довча и третья оставлена при 2-й бригадѣ.

отрядомъ Гурко и главными силами арміи, которая направляется отъ Ески-Загы на Тырново и Херманлы».

Начальникъ штаба арміи, *генералъ-адъютантъ Непокойчицкій*.

№ 10,110. 1-го января 1878 г. Казанлыкъ.

Въ отвѣтъ на это предписаніе, того же 2-го января, генералъ-лейтенантъ Карцовъ отпривилъ въ главную квартиру слѣдующее донесеніе:

«Указанія Вашего Императорскаго Высочества предупреждены. Стрѣльцовый баталіонъ и 10-й полкъ уже прошли Чукурлу, а завтра вся 1-я бригада будетъ у Каратопрака. Драгуны только что прибыли въ Каргово. 2-й моей бригадѣ необходимо дать шесть дней оправиться. Формирую изъ двухъ ея полковъ два баталіона и буду вести ихъ въ резервъ».

Подъ вечеръ, 2-го января, возвратился изъ главной квартиры подполковникъ Сухомлиновъ. Извѣстіе о перемиріи, какъ и надо было ожидать, оказалось фальшивымъ. Въ Казанлыкѣ было нѣсколько турецкихъ парламентаровъ изъ разныхъ отрядовъ, и всѣ они, подобно Моизу, не бывъ приняты, отправлены обратно.....

3-го января рано утромъ генералъ Скобелевъ 1-й выступилъ съ драгунами изъ Карлова; прочія части его отряда и артилерія, бывшія уже далеко впереди, должны были присоединиться къ нему на дорогѣ. Начальникомъ штаба летучаго отряда назначенъ подполковникъ *Сухомлиновъ*. Пѣхотныя части въ этотъ день перешли: 10-й стрѣльцовый баталіонъ и 10-й Новоингерманландскій полкъ—изъ Иметли и Дольсей-Махалы — въ Чурлууъ; 9-й полкъ — въ Каратопракъ, а штабъ отряда съ саперною ротою въ Чукурлу. Подполковнику *Коборю 1-му* послано приказаніе, 4-го января, отправить сводные баталіоны въ Ладжикію.

Подходя къ Каратопраку, нашъ казачій разъездъ встрѣтился съ непріятельскимъ, присланнымъ изъ Филипополя, единственно для того, чтобы сжечь складъ ячменя и галетъ, сложенный въ православной церкви, который турки не успѣли уничтожить при послѣднемъ отступленіи. Она еще догорала, когда проходила пѣхота. На окраинѣ селенія, у шоссе, мы нашли огромныя, вновь построенныя деревянныя казармы. По словамъ жителей, онѣ были заняты тремя таборами, бѣжавшими 27-го января, т. е. на другой день по переходѣ нами Траяна.

По прибытіи въ Чукурлу, 3-го января, начальникъ отряда уже поздно вечеромъ получилъ отъ начальника штаба западнаго отряда, генералъ-майора Нагловскаго, записку слѣдующаго содержанія:

«Вчера ночью я имѣлъ честь послать вашему превосходительству приказаніе наступать вамъ со всею 3-ю пѣхотною дивизією на Чукурлу»

въ Филиппополь. Сегодня вновь получилъ приказаніе вновь подтвердить приказаніе, чтобы ваше превосходительство шли форсированнымъ маршемъ на Филиппополь, дѣлая въ день не менѣе 25 верстъ. При этомъ идти безъ обозовъ, выдавать людямъ по фунту хлѣба (если его мало). Въ такіе дни, какіе мы переживаемъ теперь, нужно дѣлать сверхъ-естественныя усилія. Одна бригада 2-й гвардейской кавалерійской дивизіи 2-го января должна идти на Филиппополь. Атака Базарджика предполагается завтра».

Начальникъ штаба, генераль-маіоръ *Нагловскій*.

Записка эта, за № 172, послана 1-го января въ 4 часа 5 минутъ дня, но откуда — неизвѣстно.

Начиная съ того, что посланнаго 31-го декабря ночью «приказанія», какъ выражено въ запискѣ, никто не получалъ; затѣмъ, являясь вопросъ: чье это приказаніе сообщалось? До той минуты мы не имѣли никакого распоряженія о томъ, чтобы нашъ отрядъ былъ подчиненъ кому либо, кромѣ Главнокомандующаго,—между тѣмъ, тонъ и смыслъ записки генерала Нагловскаго указывалъ на иное подчиненіе.

Диспозиціею, отданною по отряду на 4-е января, предписывалось: летучему отряду генераль-лейтенанта Скобелева 1-го идти безостановочно на Филиппополь и, буде возможно, занять его; 10-му стрѣлковому баталіону и 10-му Новоингерманландскому полку, дойдя до Чуперликіоя остановиться и ожидать приказанія; 9-му Староингерманландскому полку и штабу отряда перейти въ Чурлукъ, гдѣ и ожидать, сообразно съ свѣдѣніями изъ Филиппополя, дальнѣйшаго распоряженія. Своднымъ баталіонамъ выступить изъ Карнари въ Ладжикію.

На пути къ Чукурлу, 4-го января, около полудня, встрѣчный казакъ подалъ начальнику отряда записку генерала Скобелева къ графу Комаровскому, слѣдующаго содержанія: «Вступаю въ Филиппополь съ драгунами и казаками. Войска генерала Гурко тоже занимаютъ его. Донесеніе это прошу отправить генералу Карцову съ вашимъ казакомъ».

Хотя въ вышеприведенномъ приказаніи Главнокомандующаго ясно указанъ случай, когда отрядъ долженъ свернуть на Чирпанъ, но прежде чѣмъ измѣнять направленіе колоннъ, начальникъ отряда хотѣлъ вполнѣ удостовѣриться въ томъ, что происходитъ въ Филиппополь. Для этого былъ посланъ туда начальникъ отряднаго штаба, подполковникъ *Сосновскій*, самъ же генераль Карцовъ остановился въ Каратоправѣ какъ въ пунктѣ ближайшаго поворота съ шоссе на Чирпанъ. Подполковникъ Сосновскій, возвратясь, передалъ, что онъ нашелъ Филиппополь уже вполнѣ занятымъ нашею кавалеріею, видѣлъ въ городѣ гвардейскую артилерію и подходящую пѣхоту. Вслѣдствіе этого, немедленно были посланы во всѣ части, на 5-е января, слѣдующія приказанія:

1) 10-му стрѣлковому баталіону и 10-му Новоингерманландскому полку, переночевавъ въ Чуперликіюѣ, идти къ Чирпану черезъ Акчію, Акто, Ассакари и Карнормакъ.

2) 9-му Староингерманландскому полку направиться на Чирпанъ черезъ Шатоляръ, Бейкію и Челтши.

3) Саперной ротѣ со штабомъ отряда слѣдовать туда же черезъ Бушарляръ, Чокъ-Оба и Кіосси.

4) Своднымъ баталіонамъ, подъ начальствомъ маіора Федотова, свернуть съ шоссе у Чукурлу и идти на Чирпанъ двумя переходами, черезъ Муслучалау, Ибрашляръ, Арабаслы и Умуръ.

5) Командующему 2-ю бригадою перейти съ нею въ Карново и немедленно учредить летучую почту до Чирпана, по пути, назначенному для сводныхъ баталіоновъ.

Такъ какъ отъ шоссе до Чирпана было болѣе 50-ти верстъ, то всѣмъ частямъ приказано выступить не позже 4-хъ часовъ утра.

Передъ самымъ выступленіемъ получена была записка изъ главной квартиры отъ 2-го января за № 10111. Въ ней сказано слѣдующее:

«Великій Бнязь приказалъ, чтобы вы, съ полученія сего, безотлагательно направились по долинѣ Гіюкса на Филипполь, а если получите сообщеніе, что противникъ оставляетъ этотъ городъ, или что онъ уже занятъ нашими, то возьмите направленіе на Чирпанъ. Это направленіе можно принять и кавалерія Скобелева.

«Для свѣдѣнія вашего сообщается, что генераль Гурко своими колоннами занялъ Станимавъ, Траяновы ворота и 31-го декабря подходилъ къ Базарджку, который въ настоящее время, по всей вѣроятности, уже занятъ войсками нашими.

«Вчера, 1-го января, Ески-Загра была занята 4-ю стрѣлковою бригадою, Орловскимъ полкомъ и 1-ю кавалерійскою дивизією. 2-го января туда же направлены 16-я пѣхотная дивизія, а равно и 1-я кавалерійская, которыя съ обѣими стрѣлковыми бригадами подчиняются генераль-лейтенанту Скобелеву 2-му и, составивъ авангардъ арміи, направляются на Херманлы. О нашихъ распоряженіяхъ увѣдомлять для доклада Его Императорскому Высочеству Главнокомандующему».

Итакъ, вторично получено приказаніе сдѣлать то, что уже было исполнено; въ главной квартирѣ 2-го января считали отрядъ еще не выступившимъ изъ Карнари, тогда когда онъ былъ уже на полпути отъ Карлова къ Филипполю.

Свернувъ съ шоссе, 5-го января, всѣ три колонны отряда шли параллельно одна другой, мѣстами сближаясь версты на четыре, такъ что полки видѣли другъ друга. Этотъ фланговый маршъ, прикрытый рѣкою Марицей, шелъ по мѣстности гораздо болѣе покрытой снѣгомъ.

чѣмъ у Карлова, причѣмъ бывшая въ теченіе трехъ дней оттепелъ заставила во многихъ мѣстахъ переходить въ бродъ ручьи и притоки Марицы. Вообще, мѣстность имѣла совершенно иной характеръ; она представляла плоскую равнину, съ весьма рѣдкимъ населеніемъ.

Часу въ 9-мъ утра, когда войска прошли уже версть 20 от шоссе и дѣлали привалъ, услышаны были пушечные выстрѣлы къ сторонѣ Филипополи. Мало по малу они слились въ общую канонаду, тогда приближавшуюся, то какъ бы удаляющуюся. Часовъ въ 11 пальба казалась утихающею, и затѣмъ вдругъ разразилась съ новою силою. Даже перебаты ружейныхъ залповъ были слышны совершенно явственно. Многіе были того мнѣнія, что бой перешелъ на нашъ (лѣвый) берегъ Марицы. Остановивъ войска, генераль Карцовъ послалъ 24-го Казачьяго полка войсковаго старшину Грошева, съ конвойною сотнею, рекогносцировать мѣстность вплоть до рѣки, и въ то же время отправилъ въ Филипополь къ генераль-адъютанту Гурко записку слѣдующаго содержанія: «Хотя я имѣю положительное приказаніе Главнокомандующаго, въ случаѣ занятія нашими Филипополя, идти на Чирпанъ, но слыша канонаду, прошу увѣдомить: не нужно ли мое содѣйствіе. Благоволите сообщить о вашемъ направленіи на 6-е и 7-е января».

Въ теченіе часа съ четвертью войсковаго старшина Грошевъ, по цѣлинѣ, облетѣлъ до 20-ти верствъ. Онъ былъ у колонны графа Комаровскаго и узналъ, что бой идетъ на той сторонѣ, что рѣка въ полномъ разливѣ и покрыта густымъ ледоходомъ. Отрядъ, въ ожиданіи отвѣта, болѣе трехъ часовъ оставался на привалѣ. Посланные по направленію звука выстрѣловъ разъѣзды доносили, что сраженіе происходитъ гораздо далѣе, чѣмъ кажется. Бѣжавшіе изъ города болгары показывали, какъ потомъ и подтвердилось, что сражаются верстахъ въ 12-ти за Филипополемъ, слѣдовательно, не ближе 30-ти верствъ отъ нашего привала. Убѣдясь въ невозможности поспѣть на помощь, если бы она и была нужна, и въ виду того, что послѣ трехъ часовъ пальба совершенно стихла, начальникъ отряда приказалъ продолжать движеніе на Чирпанъ. Потеря четырехъ часовъ времени на привалѣ и наступившая передъ вечеромъ мятель, были причиною, что ни одна изъ колоннъ въ этотъ день не могла дойти до назначеннаго пункта. Всѣ остановились на ночлегъ въ окрестныхъ деревняхъ. Посланные въ городъ и далѣе разъѣзды къ разсвѣту донесли, что они вошли въ связь съ разъѣздами 1-й кавалерійской дивизіи и что въ Чирпанѣ уже находится эскадронъ лейбъ-гвардіи Уланскаго полка.

Рано утромъ, 6-го января, мы вступили въ Чирпанъ, жители котораго встрѣтили насъ съ изъявленіемъ полного восторга. Усиленный

переходъ, а главное обезпеченіе отряда продовольствіемъ на дальнѣйшее движеніе заставляли дать войскамъ дневку. Обоиъ полкамъ и стрѣльковому баталіону, у которыхъ оставалось сухарей только на два дня, приказано было оставаться по деревнямъ. Сдѣлать дневку было необходимо и для того, чтобы выждать прибытія сводныхъ баталіоновъ *Федотови*, собрать свѣдѣнія, гдѣ возможно перебраться черезъ Марицу и получить указанія о дальнѣйшемъ направленіи отряда.

Въ Чирпанѣ оказались большіе турецкіе склады всякаго рода запасовъ. Всѣ они уже были не только разысканы, но и охранены, благодаря распорядительности лейбъ-гвардіи Уланскаго полка ротмистра *Бибикова* и сотеннаго командира казачьяго № 1-го полка. Не говоря о громадномъ количествѣ всякаго зерна, въ складахъ найдены нѣсколько тысячъ галетъ и 395 ящиковъ съ патронами ('). Городское управленіе Чирпана, не смотря на то, что было сформировано всего два дня назадъ, оказало отряду большія услуги и обнаружило, въ отношеніи содѣйствія военнымъ властямъ, необыкновенную энергію. Черезъ нѣсколько часовъ по вступленіи, предсѣдатель городского совѣта заявилъ, что у него уже готово до 5,000 объ (375 пудовъ) печенаго хлѣба. Полки добольствовались имъ 6-го и 7-го января и, кромѣ того, получили на три дня галетовъ. Такимъ образомъ, съ оставшимся двухдневнымъ запасомъ отрядъ былъ снова обезпеченъ на пять дней. Больше взять съ собою, не отягощая людей, было невозможно. Чтобы оставшіеся затѣмъ запасы не пропали, оставленъ былъ въ Чирпанѣ офицеръ съ командою. вмѣстѣ съ тѣмъ было сообщено начальнику штаба арміи слѣдующее:

«Въ дополненіе донесенія моего о найденныхъ турецкихъ запасахъ въ мѣстѣ Гіонса, имѣю честь донести, что все пройденное мною пространство, отъ Карлова до Чирпана, представляетъ неисчислимое богатство подобныхъ же запасовъ. Въ Карловскомъ складѣ оставлено 2,000 мѣшковъ галетъ, 200 мѣшковъ риса, 1,500 мѣшковъ ячменя, 70 мѣшковъ фасоли. Затѣмъ, есть ружья, патроны, гранаты. Я сдѣлалъ все что могъ, но при малочисленности отряда не могу оставлять въ городахъ людей, а въ деревни, гдѣ все расхищается, посылать команды невозможно. Считаю долгомъ заявить, что было бы крайне полезно прислать въ пройденный мною край нѣсколько интендантскихъ чиновниковъ, съ особыми командами, или разрѣшить мнѣ оставить въ должнѣ остатки 11-го и 12-го полковъ. Ихъ можно было бы размѣстить по деревнямъ и поручить каждому баталіонному командиру заняться сборомъ зерна и его храненіемъ, въ районѣ его баталіона. Безъ энергическихъ мѣръ, черезъ недѣлю, не останется и половины».

(') Въ каждомъ ящикѣ было по 10,000 патроновъ, итого 3.950,000 патроновъ. Объ этомъ было немедленно написано начальнику артилеріи арміи и при складѣ оставленъ вырвалъ съ сейерверлеромъ.

Какъ въ день вступленія въ Чирпань, такъ и во время дневки 7-го января, въ штабѣ отряда шла кипучая дѣятельность. Начальникъ отряднаго штаба, на котораго было возложено избраніе пункта и устройство переправы черезъ Марицу, тотчасъ по приходѣ въ Чирпань началъ собирать о ней свѣдѣнія и къ вечеру уѣхалъ въ деревню Іогурчу, что противъ желѣзнодорожной станціи Іени-Магалѣ, на которую указывали, какъ на ближайшій и лучшій пунктъ для переправы. Ординарцу своему, штабсъ-ротмистру Крестовскому, начальникъ отряда поручилъ разобрать захваченную телеграфную станцію и сдѣлать переводъ на русскій языкъ телеграфныхъ журналовъ турецкаго правительства. Другой ординарецъ его, поручикъ Эрнротъ, отправленъ въ главную квартиру съ экстренными донесеніями и съ найденными планами всѣхъ желѣзно-дорожныхъ мостовъ, до самаго Константинополя, а равно и за полученіемъ дальнѣйшихъ инструкцій.

Въ теченіе посѣднихъ дней было уже нѣсколько такихъ заботѣвшихъ, которыхъ нельзя было везти далѣе; надо было распорядиться устройствомъ лазарета, назначить въ него медика и прислугу. Между тѣмъ, разбѣды, не только свои, но и 1-й кавалерійской дивизіи, безпрестанно приводили то перехваченныхъ бѣглыхъ турецкихъ солдатъ, то служащихъ на желѣзныхъ дорогахъ иностранцевъ, являвшихся или съ предложеніемъ услугъ, или съ разными доносами. Главную же заботу все-таки представляла предстоящая переправа.

Изъ перевода телеграфнаго журнала узнано: 1) что комендантъ Шипки еще 25 декабря просилъ прислать къ нему какъ можно скорѣе всѣ войска, какія только есть въ Чирпанѣ. Ему отвѣчено, что они уже отправлены въ Филиппополь, по требованію тамошняго вали; 2) что наплывъ бѣглецовъ въ Чирпань начался со дня перехода русскихъ черезъ Траянъ; что бѣжавшіе умираютъ съ голода, а на желѣзную дорогу ихъ не принимаютъ. Адрианопольскій вали велѣлъ взять для отправки бѣгущаго населенія всѣ болгарскія подводы; 3) чирпанскій каймакамъ доносилъ, что ни жители, ни мустахфизы не слушаются и не хотятъ оставлять своихъ семей и жилищъ и просятъ прислать ему хотя немного низама, чтобы силою заставить ихъ уходить.

Не безынтересна и слѣдующая телеграмма казанлыкскаго каймакама къ филиппопольскому мутесарифу, отъ 28-го декабря:

«Громадныя силы русскихъ разбили нашихъ въ большомъ сраженіи Казанлыкскае населеніе бѣжить поголовно. Женщины и дѣтя отправлены въ Ески-Загру и Чирпань. Учрежденія красной луны остаются на мѣстѣ. Приходится такъ плохо, что администраціи надо выбираться. Состоящіи

при нихъ офицеры, чиновники и телеграфисты сейчасъ ушли въ Чирпанъ. Сельскіе жители бѣгутъ на Карабунаръ. Узнавъ сейчасъ, что заключено перемиріе. Приважете ли чиновникамъ и жителямъ возвращаться?»

Еще до отъѣзда начальника отряднаго штаба на мѣсто, избранное для переправы, туда была послана саперная рота, а во время дневки 7-го января и 10-й стрѣлковый баталіонъ. Состояніе Марицы, разлившейся на 110 сажень и покрытой почти сплошь плавшими льдинами, съ перваго взгляда указывало на всю трудность устройства переправы.. Пустить пѣхоту въ бродъ было невозможно, потому что дно разлива имѣло мѣстами глубокія рывины. Подполковникъ Сосновскій, послѣ тщетныхъ поисковъ отыскать бродъ, рѣшилъ устроить пѣшеходные мостики, на затопленныхъ телѣгахъ и на козлахъ. Для связи ихъ лежками и досками, немедленно были разобраны два турецкіе дома, въ входившейся въ верстѣ отъ берега деревнѣ, откуда матеріаль былъ вренесенъ къ рѣкѣ людьми стрѣлковаго баталіона. Неимовѣрныхъ усилій стоило саперамъ втаскивать въ воду каруцы и телѣги и образовывать изъ нихъ устои. Быстрота теченія и напоръ льда, то опрокидывали, то совсѣмъ сносили ихъ. Только благодаря безпримѣрному усердію и распорядительности командира роты поручика *Понкова* и его офицеровъ *водпоручиковъ Цурикова* и *Сахарова* и ихъ личному примѣру, удалось побороть непреодолимыя препятствія. Саперы съ полнымъ самоотверженіемъ шли по грудь въ воду, устанавливали телѣги и вбивали колья для козелъ тамъ, гдѣ глубина превышала высоту повозки. Все это дѣлалось охотно, безропотно, при морозѣ въ 9 градусовъ и продолжалось всю ночь, съ 6-го на 7-е, весь день 7-го января и всю слѣдующую ночь. Къ утру 8-го января переправа для пѣхоты была готова и стрѣлковый баталіонъ на разсвѣтѣ началъ переходить на ту сторону.

Окончивъ необходимыя распоряженія по устройству лазарета и по храненію складовъ, штабъ отряда выступилъ, изъ Чирпана 8-го января, въ 8 часовъ утра, вмѣстѣ съ прибывшими туда во время дневки двумя сводными баталіонами 2-й бригады. Всѣ прочія части отряда направлены были къ переправѣ съ мѣстъ ихъ дневки. Къ 10 часамъ весь отрядъ собрался у рѣки и, въ ожиданіи очереди, сталъ варить обѣдъ на снѣгу, при морозѣ, достигшемъ въ этотъ день до 11 градусовъ. Съ полудня начался порывистый сѣверный вѣтеръ, причинившій потомъ много затрудненій.

Когда переправа пѣхоты была уже обезпечена, саперы были посланы на полверсты ниже переправлять артилерію. Тамъ, по указанію болгаръ, найденъ былъ старый паромъ. Онъ былъ такъ малъ, что едва

могъ поднимать одно орудіе, безъ лошадей и безъ передка. Приведа паромъ въ порядокъ, поставили орудіе и онъ погрузился на столько, что края остались надъ водою не болѣе какъ на три вершка. Самое незначительное волненіе захлестывало борты. Чтобы преодолѣть быструю теченія и не дать ему уносить паромъ ниже противоположнаго подъема, нужно было на шестахъ сначала подыматься саженъ на 200 выше. Переправа первого орудія потребовала 40 минутъ и столько же времени нужно было бы для возвращенія парома. Такимъ образомъ, для переправы бывшихъ при отрядѣ 10 орудій съ передками требовалось, при безостановочной работѣ, 20 часовъ. Но усилившійся послѣ заката солнца вѣтеръ заставилъ прекратить перевозъ, а ночью паромъ сорвало съ причаловъ и отнесло на двѣ версты. Мѣстные болгары оказали при этомъ, и вообще при переправѣ, большую помощь. На разсвѣтѣ, они вмѣстѣ съ саперами привели паромъ обратно,—и все время усердно работали за весьма умѣренное вознагражденіе.

Послѣ стрѣлковаго баталіона переправлялись сводные баталіоны маіора Федотова. Роты подходили къ мосткамъ по очереди и люди шли другъ за другомъ по одному, на пять шаговъ дистанціи. Около 2-хъ часовъ напоромъ льда обрушило часть мостковъ, подъ правымъ берегомъ, но, къ счастью, на мелкомъ мѣстѣ, такъ что человекъ 10 только выкупались. Потребовалось полтора часа на исправленіе. Въ это время прискивали бродъ для казаковъ и артилерійскихъ лошадей. Вызванные впередъ охотниками казаки 24-го полка пустили впередъ одного изъ своей среды развѣдчикомъ. До половины рѣки лошадь его не всплывала, потомъ разомъ юркнула вмѣстѣ съ сѣдокомъ. Изъ-за брызгъ и льдинъ видно было одно барахтанье коня, а казакъ ушелъ подъ льдину, но черезъ нѣсколько секундъ конь выбрался изъ рывины, за нимъ всплылъ всадникъ, въ одно мгновеніе вскочилъ въ сѣдло и благополучно достигъ того берега. Другіе охотники, взявъ лѣтѣе, были счастливѣе. По ихъ слѣду пошли гусемъ сотня за сотней а за казаками, безъ всякихъ приключеній, перешли и артилерійскія лошади.

Штабъ отряда переправился уже въ сумерки. Въ это же время подошелъ къ мосткамъ 10-й Новоингерманландскій полкъ. Ясно было, что Староингерманландскій полкъ и выюки не успѣютъ переправиться ранѣе завтрашняго дня, поэтому имъ послано было приказаніе расположиться на ночь въ ближайшей деревнѣ. Сборный пунктъ отряда на правомъ берегу заранѣе былъ назначенъ на шоссе, въ пяти верстахъ отъ станціи Лени-Магале, въ деревнѣ того же имени; но начальникъ отряда остался въ станціонномъ домѣ выждать окончанія переправы 10-го полка. Всѣ служащіе на станціи были въ большой тревогѣ. Это были

люстранцы, боявшіеся не прихода русскихъ, а баши-бузукъ и черкесовъ. Они еще не могли оправиться отъ набѣга на желѣзно-дорожныя зданія спасавшагося народонаселенія. Эти массы эмигрировавшихъ силою захватывали поѣзда и требовали, чтобы ихъ везли въ Константинополь.

Между тѣмъ, порывы вѣтра усиливались. Въ 10 часовъ мостки снова обломались. Посылаемые къ рѣкѣ, по очереди, ординарцы привозили все менѣе и менѣе утѣшительныя извѣстія. И въ этомъ случаѣ саперы выручили отрядъ. Къ полудню слѣдующаго дня все было исправлено и къ вечеру 9-го января весь Траянскій отрядъ былъ за Марицей.

Переправа эта была послѣднимъ самостоятельнымъ его дѣйствіемъ, потому что еще 7-го числа получено было приказаніе Главнокомандующаго о томъ, что Траянскій отрядъ поступать въ составъ Западнаго, подъ начальство генерала-отъ-кавалеріи Гурко.

Отвѣтъ на записку съ предложеніемъ содѣйствія, подъ Филиппополь, посланную начальникомъ отряда 5-го числа съ перевала, полученъ былъ только 7-го. Написанный генераломъ Нагловскимъ, онъ заключался въ слѣдующемъ:

«Его высокопревосходительство начальникъ отряда послалъ вашему превосходительству, сегодня рано утромъ, ординарца съ *предложеніемъ* перейти р. Марицу и стать у деревни Ахланъ, гдѣ и составить общій резервъ войскъ, оперирующихъ противъ арміи Фуада-паши, при которой, какъ кажется, находится самъ Сулейманъ-паша. Въ настоящее время бой идетъ на станимакской дорогѣ. У непріятеля болѣе 40 таборовъ. Вчера было дѣло, въ которомъ 1-я бригада 3-й гвардейской пѣхотной дивизіи отбила 23 орудія. Турки пробиваютъ себѣ дорогу, такъ какъ путь отступленія имъ отрѣзанъ».

Хотя на этомъ отвѣтѣ и не было означено числа его отправленія, но, судя по содержанію, онъ писанъ 5-го, а полученъ черезъ два дня. Разслѣдовать причину подобнаго промедленія, равно и того, почему ординарецъ генерала Гурко 5-го числа не нашелъ начальника Траянского отряда, вслѣдствіе безостановочности движенія было невозможно. Впрочемъ, при сопоставленіи фактовъ, оказывается, что кавалерія Траянского отряда была въ Филиппополь 4-го января въ полдень, что, конечно, было извѣстно въ штабъ Западнаго отряда, а отъ нея всегда можно было узнать, что наша пѣхота всего въ 15 верстахъ, на шоссе. Если же, вмѣсто того, чтобы послать за нею ординарца 4-го, отправили его только на другой день 5-го, то, конечно, онъ не могъ найти

нашего отряда, потому что, согласно повелѣнія Главнокомандующаго, онъ уже не былъ на шоссе, а шелъ еще до разсвѣта къ Чирпану.

Вслѣдствіе приказанія о подчиненіи отряда генералу Гурко, ему медленно былъ отправленъ рапортъ о наличномъ составѣ и испрошено приказаніе о дальнѣйшемъ назначеніи 3-й пѣхотной дивизіи.

Изложивъ дѣйствія Траянскаго отряда, остается сказать о послѣдствіяхъ и значеніи перехода его черезъ Балканы.

Собранныя на мѣстахъ дѣйствій свѣдѣнія, ходъ послѣдующихъ соборій, показанія плѣнныхъ и захваченные у непріятеля документы указываютъ, что взятіе Траянскаго перевала имѣло слѣдующія послѣдствія:

1) Привлеченіе къ перевалу отъ Шипки и Филиппополя шести непріятельскихъ таборовъ и ихъ полное разбитіе, со взятіемъ укрѣпленій, двухъ знаменъ, орудія, транспорта съ продовольствіемъ и плѣнныхъ.

2) Распространеніе общей паники по всей долинѣ Гіопса и въ Филиппополь и поголовное бѣгство турецкаго населенія, вмѣстѣ съ отрядами, занимавшими Клисурю, Карлово, Калоферъ, Чукурду и Каратопракъ.

3) Захватъ громаднаго количества скота и запасовъ, что дало возможность продовольствовать войска до половины января, безъ интендантства и безъ расходовъ казны.

4) Немедленное оставленіе непріятелемъ двухъ сильно укрѣпленныхъ позицій въ Калоферскомъ и Клисурскомъ ущельяхъ, откуда турки бѣжали, когда имъ еще не было извѣстно о пораженіи подъ Шипкою.

5) Соединеніе 2-й бригады 3-й пѣхотной дивизіи съ 1-ю, что не могло бы случиться, если бы изъ Траянскаго отряда не были посланы войска въ тылъ клисурскаго дефиле.

6) Полное обезпеченіе съ запада праваго фланга снутившихъ въ долину Тунджи войскъ.

7) Такое же обезпеченіе тыла Западнаго отряда, чего бы не было, если бы турки не были вынуждены, переходомъ Траянскаго перевала очистить Калоферъ и долину Гіопса.

Полагаемъ, что этихъ результатовъ достаточно, чтобы доказать, что составлявшія Траянскій отрядъ войска вполне исполнили свой долгъ и вполне достигли цѣли, указанной имъ волею Главнокомандующаго.

П. К.

22-го іюля 1878 года.

**ЕМАТИЧЕСКІЙ ЧЕРТЕЖЪ
ЛКАНСКИХЪ ПРОХОДОВЪ
У ТРАЯНА.**

